

ДЖИН
СТРЭТТОН-ПОРТЕР



ХРАНИТЕЛЬ ПЧЁЛ

РОМАН ОБ ИСЦЕЛЕНИИ
ДУШОЙ И СЕРДЦЕМ



Джин Стрэттон-Портер

Хранитель пчёл

«Автор»

2026

Стрэттон-Портер Д.

Хранитель пчёл / Д. Стрэттон-Портер — «Автор», 2026

Джейми МакФарланд вернулся с Первой мировой войны с тяжёлым ранением и почти без надежды на выздоровление. Покинув больницу, он находит пристанище на пасеке у тихоокеанского побережья. Мудрый Пчелиный Мастер, новые друзья и забота о пчёлах постепенно возвращают ему силы и желание жить. Но встреча с загадочной женщиной приносит тайну, ради которой предстоит рискнуть обретённым покоем. «Хранитель пчёл» Джин Стрэттон-Портер — светлый и трогательный роман о любви, человеческом достоинстве и верности обещанию. Среди цветущих садов и океанских просторов разворачивается история человека, который учится доверять людям и снова строить планы. Особенность издания — обширная богато иллюстрированная бонусная часть. Она знакомит с жизнью писательницы, героями и местами действия, раскрывает переводческую «кухню» и предлагает задания для читателя. Отдельные материалы посвящены мёду и жизни пчёл, а словарь пчеловода объясняет специальные термины. Роман трижды экранизирован: в 1925, 1935 и 1947 годах.

© Стрэттон-Портер Д., 2026

© Автор, 2026

Джин Стрэттон-Портер

Хранитель пчёл



Предисловие переводчика

Роман «Хранитель пчёл» (*The Keeper of the Bees*, 1925) — это удивительное, светлое и исцеляющее произведение, ставшее венцом литературного наследия американской писательницы и натуралистки Джин Стрэттон-Портер. Книга была опубликована уже после смерти автора, но именно в ней с наибольшей полнотой отразились ее главные жизненные идеалы: глубокая вера в целительную силу дикой природы, побеждающую любые душевные и телесные недуги, и гимн человеческому милосердию.

Действие романа разворачивается в живописных ландшафтах Южной Калифорнии — среди цветущих долин, океанского бриза и ароматов медоносных трав. На фоне этих пейзажей разворачивается история молодого солдата Джеймса МакФарланда, который возвращается с Первой мировой войны с подорванным здоровьем и разбитой надеждой на будущее. Сбежав из казенных стен больницы навстречу неизвестности, он вступает на путь «Великого приключения», которое приводит его к неожиданному наследству — пасеке мудрого Пчелиного Мастера.

Уход за пчелами, тишина природы, благородный физический труд и поддержка новых друзей постепенно возвращают герою утраченные силы. Но «Хранитель пчёл» — это не просто роман об исцелении через единение с природой. Это глубокая человеческая драма о чести, верности долгу, случайных судьбоносных встречах и тайне, которая связывает Джейми со загадочной «Штормовой женщиной».

Джин Стрэттон-Портер мастерски переплетает тонкий психологизм, элементы приключений и почти поэтическое описание окружающего мира. Эта книга учит нас замечать кра-

соту в малом, находить опору в самые темные времена и верить, что даже после жесточайших штормов душа способна возродиться.

Приглашаем вас в это тихое, мудрое и вдохновляющее путешествие по страницам одного из последних романов замечательной американской писательницы.

Владимир Давыдов

Главные персонажи

Джин Стрэттон-Портер населила свой прощальный роман яркими, живыми и запоминающимися персонажами. Каждый из них играет свою роль в исцелении главного героя и раскрытии главных тем книги: природы, сострадания, верности и преображения.



ПЧЕЛИНЫЙ
(МАЙКЛ УОНДАТ)

ДЖЕЙМС МАКФАРЛАНД
(ДЖЕЙМИ)

1. Джеймс МакФарланд (Джейми / James MacFarlane)

Кто он: Главный герой романа, молодой солдат, вернувшийся с Первой мировой войны.

Характер и роль: В начале книги Джейми изможден, болен и обречен военными врачами. Сбежав из госпиталя, он решает провести свои последние дни на природе. Случайное знакомство со Штормовой женщиной и вступление в наследство Пчелиного Мастера круто меняют его жизнь. Забота о пасеке, физический труд и чистый воздух возвращают ему здоровье, а внутренний благородный стержень помогает преодолеть все испытания. Джейми — воплощение стойкости, доброты и способности к внутреннему возрождению.

2. Штормовая женщина (The Storm Woman)

Кто она: Таинственная, смелая и преданная девушка, которая появляется в жизни Джейми в один из самых критических моментов.

Характер и роль: Она просит Джейми о необычной помощи: согласиться на брак, который позволит защитить чужую тайну. Несмотря на сильные душевные переживания и тайны прошлого, она оказывается глубоко порядочной и любящей женщиной. Ее линия в романе полна интриги, а ее чувства к Джейми проходят серьезную проверку на прочность.

3. Пчелиный Мастер (The Bee Master)

Кто он: Пожилой, мудрый пасечник, который становится наставником и старшим другом для Джейми.

Характер и роль: Именно он передает Джейми свое хозяйство и учит премудростям обращения с пчелами. Пчелиный Мастер олицетворяет мудрость самой природы, спокойствие и преемственность поколений. Его образ задает философский тон всему роману, показывая, как единение с пчелиной семьей упорядочивает и исцеляет человеческую душу.

4. Маргарет Кэмерон (Margaret Cameron)

Кто она: Добрая, чуткая и проникательная соседка.

Характер и роль: Маргарет берет на себя роль заботливой материнской фигуры для осиротевшего душой и телом Джейми. Она помогает ему обустроиться на новом месте, оказывает эмоциональную поддержку, дает мудрые советы и играет ключевую роль в распутывании узлов прошлого, связанных со Штормовой женщиной.

5. Маленький Скаут (The Little Scout)

Кто он: Отважный, непосредственный и жизнерадостный ребенок.

Характер и роль: Малыш приносит в повествование много искренней радости, света и детской наивности. Его дружба с Джейми подчеркивает мягкость характера главного героя и его способность любить и защищать слабых.

Глава 1. Сам себе хозяин

— Джеймс Льюис МакФарланд.

Услышав своё имя, он спустил ноги на пол и резко сел, обхватив колени большими ладонями, чтобы удержаться. Последний час сквозь полусонную дремоту до него доносились решения, которые люди, облечённые властью, выносили о тех, чьи судьбы находились в их руках. Но ему и в голову не приходило, что речь может идти и о нём самом.

В то утро он целый час просидел на солнце перед огромным госпиталем, где наша страна старалась вернуть здоровье людям, побывавшим за океаном и принявшим участие в войне. В последнее время он всё яснее понимал, что проигрывает свою битву за выздоровление. С осколочным ранением в левой стороне груди ему никак не удавалось справиться столь же успешно, как прежде с неприятелем. И он решил испытать свои силы. Встал и пошёл по дороге, желая выяснить, как далеко ещё способны унести его ноги. Только одного он не учёл: спускаться с горы куда легче, чем подниматься на неё. Поэтому он шёл, пока колени не начали подгибаться

и силы не иссякли совсем. Немного отдохнув, он повернул обратно, но подъём оказался мучительно медленным, тяжким трудом, от которого тело покрывалось холодным потом, а в левой стороне груди разгорался грызущий огонь; повязки, охватывавшие плечи и туловище, превратились в орудие пытки. Жаркое калифорнийское солнце палило так, что он задыхался. Снова и снова приходилось останавливаться и искать, куда присесть: на выступающий камень или сухой уступ горного склона. Усталые глаза тяготились яркими красками, разлитыми повсюду: зеленью вечнозелёных дубов, броскими ягодами падуба, розовато-белыми кувшинчиками цветков мансаниты, пурпурным бархатом кувшинного шалфея, густой сине-лиловой паутиной шалфея чертополоховидного. По-настоящему он замечал лишь то и дело попадавшие соцветия «индейского воина» — они казались ранами на теле земли, красными, как настоящая кровь, как кровь, пропитавшая столько полей сражений, капавшая в стольких госпиталях, та самая кровь, которую он каждый день видел на повязках, снятых с его груди.

Он повидал столько крови, что всё напоминавшее о ней вызывало тошноту. Отвернувшись от пышных цветов, щедро расписывавших горный склон, он поднял глаза к синеве неба. Но этот взгляд лишь яснее обозначил неровный путь, который ему предстояло одолеть. В памяти возникли слова, которые отец читал с церковной кафедры по воскресным утратам, произнося их с шотландским выговором, не исчезнувшим за целое поколение жизни в нашей стране: «Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя».

Он поднимал глаза к горам, но помощь не приходила. Он гадал, не потому ли это, что он повинует чужой воле, или потому, что забыл Бога. В детстве отец и мать учили его молиться и верить, что молитвы будут услышаны. Но когда он отправился служить своей стране, то по какой-то непонятной причине перестал молиться и все силы отдал борьбе. Зверства, совершённые в начале войны над людьми его крови и его народа, доводили до иступления всех, кто происходил от шотландцев и разделял их чувства.

До войны он был одним из самых кротких людей. Но в дело, которое другим американцам, людям иного происхождения, представлялось освобождением мира от тирании, он вступил с негодованием в груди — тем самым негодованием, которое разделяли все, кто принадлежал к народу его предков. С одним шотландским отрядом случилось такое, чего ни один человек, в чьих жилах текла хоть капля шотландской крови, не мог и не хотел забыть. Под властью этого чувства юноша, которого мать всегда с любовью называла «мой Джейми», забыл её наставления и её Бога и отправился посмотреть, сколько личной мести сможет обрушить на людей, ранивших сердце всей Шотландии глубже, чем неизбежные бедствия войны должны ранить сердце народа.

Он ушёл мстить и сполна отомстил многим врагам. Но настал час, когда рваный, облепленный грязью железный осколок вошёл ему в грудь и отравил кровь. Несколько недель он провёл на грани жизни и смерти, потом кое-как поднялся на ноги. Теперь у него оставались две незаживающие раны: одна — в сердце, невидимая миру, другая — на груди, и над ней тщетно трудились врачи и сёстры.

Когда окончательно выяснилось, что вернуться в строй он не сможет, его отправили домой. Там к глубоким ранам, уже терзавшим его, прибавилась ещё одна. За три года его отсутствия хрупкая маленькая мать, измученная страхом и тревогой за единственного сына, ушла в иной мир; отец, всегда во всём опиравшийся на неё, пережил её ненадолго. Их скромное имущество продали, чтобы оплатить похороны, и во всём мире у него не осталось ничего своего — ни родных, ни домашнего очага. Даже друзья разъехались, и ему оставалось только находиться на попечении государства, пока его не признают способным снова начать самостоятельную жизнь.

В знак признания доблестной службы, о которой свидетельствовали две медали и планка, приколотые над раной, его отправили в Калифорнию. Надеялись, что яркое солнце, плоды, чистый солёный воздух, вечное лето благодатного края принесут исцеление, которого не

сумели добиться врачи. Ему предоставили лучшее место, куда только можно было послать человека в его состоянии. Горный курорт Эрроухед-Спрингс, расположенный высоко на горе, среди деревьев, кустарников и лиан, свойственных этим местам, там, где воздух благоухал цветами и был полон птичьего пения, правительство превратило в большой госпиталь. Выбрали его потому, что здесь сама Природа выводила на поверхность поток обжигающей воды — такой горячей, что в неё невозможно было опустить руку. Она бурлила, поднимаясь из какой-то подземной полости, где неугасимое пламя, вечно горящее в сердце земли, раскалялось докрасна; из года в год вода выходила оттуда с запахом серы, насыщенная множеством минеральных веществ и неизменно горячая. Воду источников подвели в госпиталь, и все её целебные свойства направили на лечение людей, которым, как Джейми МакФарланду, предстояло исцелиться от упорных ран, прежде чем вернуться домой и вновь занять своё место в жизни страны.

Пока он в то утро с трудом поднимался в гору, по щекам струился пот. Колени подгибались, бледные руки хватались за каждое дерево или куст, обещающие опору, а Джеймс МакФарланд думал. Думал напряжённо и быстро. Он спрашивал себя: если год у этих кипящих минеральных источников не принёс ни малейшего облегчения, сумеет ли следующий год сделать то, чего не сделал первый? Не стал ли он слабее, не осталось ли в нём меньше мужской силы, чем год назад? Сколько ещё правительство будет держать его у источников, вода которых ему не помогает? Он знал, как горько по всей стране осуждают тех, кому поручено заботиться о вернувшихся солдатах. Знал о бюрократической волоките, о взяточничестве, о медлительности, с которой мальчики получали необходимое им лечение, хотя предоставить его следовало с той же поспешностью, с какой их отправляли навстречу смертельной опасности. Он знал, что почти каждый раненый носит из-за этого горечь в сердце. В его собственном сердце она была особенно острой. Столько недель пропало впустую. Столько месяцев прошло, прежде чем решили, что делать, как делать и где делать. После заключения мира слишком многое считали само собой разумеющимся и слишком мало делали как следует.

Во время вынужденных остановок он снова и снова поднимал глаза к небу. Стоило ему взглянуть туда, как и мысли устремлялись ввысь; порой в то утро они почти достигали подножия Божьего престола. Он понимал, что отдал бы всё на свете, лишь бы вернуться домой, опуститься на колени перед матерью, положить голову ей на колени и прибегнуть к единственному средству, которого ещё не испытал: просто, по старинке, попросить у Бога помощи, которой не смог получить от людей.

Наконец он добрался до пальм и роз, мушмулы и апельсиновых деревьев, до склонов, покрытых виноградниками, — туда, где начинались возделанные земли, кормившие обитателей горной вершины. На сады, отягчённые цветением, он смотрел почти с отвращением. Он так устал. Воздух был до дурноты сладок от пронзительного, неотступного благоухания. Он с раздражением думал, как хорошо было бы найти хоть одно место, где глаза могли бы отдохнуть, где кроваво-красная вспышка не будила бы горьких воспоминаний. Но вокруг камней на склоне, возле возделанных клочков земли, на которых росло каждое дерево, всё так же упрямо полыхало пламя «индейского воина». Наконец он дотащился до подъездной дорожки, поднялся по ступеням перед входом и сделал то, чего обычно не делал.

Вся территория и боковые веранды были предоставлены больным, но раненым солдатам не полагалось разваливаться на плетёных диванах возле главных дверей. Как раз сбоку от входа, под широким окном, стоял диван — первое место, где можно было прилечь. Поднимаясь по ступеням, он мельком взглянул на несколько незнакомых автомобилей, затем направился прямо к дивану и вытянулся на нём. Некоторое время он лежал, не сознавая ничего вокруг.

Поначалу голоса по ту сторону окна оставались для него просто голосами. Но постепенно сердце успокоилось, жжение в груди ослабло, утомлённые руки и ноги расслабились, и он понял: по списку зачитывают одно имя за другим; за каждым именем стоит человек, чьё состояние обсуждают и чью дальнейшую судьбу сейчас решают. И всё же он не сообразил,

что после фамилий на «Джей», «Кей» и «Эл» скоро дойдёт очередь до «Эм». Он так долго прожил в госпитале, так привык к своей комнате, к сёстрам, к распорядку и знакомым товарищам, что это место стало ему домом — единственным домом на земле. Все были добры к нему. Ему не в чем было упрекнуть ни врачей, ни сестёр. Они сделали всё, что могли, и он тоже сделал всё, что мог; но факт оставался фактом: лучше ему не становилось, а в последнее время появились сомнения, не ухудшилось ли его состояние по сравнению с тем, в каком он сюда прибыл. И вдруг, словно неожиданный удар, отчётливо прозвучало его собственное имя — тем холодным, безличным тоном, каким деловые люди обсуждают деловой вопрос, заботясь лишь о наибольшем благе для наибольшего числа людей. Он не помнил, чтобы когда-нибудь слышал своё имя произнесённым именно так. Ему показалось, что он уже не человек, а всего лишь предмет. И тут он понял: обсуждают, куда этот предмет деть. Он услышал, где поступил на службу, где воевал, какие получил награды, услышал описание своих ран — всё это производилось так монотонно, что стало ясно: кто-то бубнит, читая записи из книги. Затем другой, более оживлённый голос спросил:

— Как давно МакФарланд здесь?

Ответ был:

— Немногим больше года.

Последовал новый вопрос:

— Источники ему помогли? Ему лучше?

И ответ:

— Скорее хуже. Рана очень упорная и, несмотря на все наши усилия, не заживает.

Пот, выступивший от тяжёлого подъёма, уже высох на теле Джейми, но после следующего вопроса его снова бросило в испарину.

— У него туберкулёз?

— Нет. Пока нет. Но он в таком состоянии, что туберкулёз может развиваться в любую минуту. Более благоприятную почву трудно себе представить.

Джейми МакФарланд сидел, вцепившись в колени, облизывал пересохшие губы и ждал приговора. Тот прозвучал в нескольких словах:

— Отправьте его в Кэмп-Керни.

На мгновение перед глазами слушавшего вспыхнул красный цвет «индейского воина», и всё вокруг стало красным. На мгновение жгучий гнев опалил его тело, восставая против этого решения. Он слышал, как они сказали: туберкулёза у него нет, но он представляет собой благоприятную почву для страшной болезни. И теперь они собирались отправить его туда, где каждый либо уже страдал этим недугом, либо подошёл к нему так близко, что его послали рисковать заражением, — как собирались поступить и с ним. Это нечестно! Это несправедливо! Он записался в армию одним из первых, с готовностью. Его не призывали. Он сражался до предела своих сил. Безропотно принимал всё, что выпадало на его долю. Медали на груди свидетельствовали о его отваге. Он войдёт в эту комнату и скажет врачам, что думает о них и об их бессердечном решении.

Он попытался подняться и обнаружил, что слишком слаб, чтобы устоять на ногах. И тут услышал, как врач, зачитывавший имена, вступился за него:

— Мне трудно признать справедливым решение отправить человека с заслугами МакФарланда, да ещё при такой восприимчивости к болезни, туда, где, как мы сами признаём, содержатся туберкулёзные больные.

Другой голос ответил:

— Если после года здесь ему стало хуже, на что надеяться ещё через год? Разве что он будет занимать место человека с более крепким организмом, который мог бы поступить сюда и выздороветь, получив ту же возможность, какую получил МакФарланд.

Перед холодной справедливостью этих слов Джейми МакФарланд опустился на диван и откинулся на подушку. Сколько он так пролежал, он не знал. Знал лишь, что за окном по-прежнему звучат голоса, что людям выносят приговоры, что безнадежных отправляют туда, где, как ему казалось, не оставалось никакой надежды, а тем, кто ещё имел шанс, дают наилучшую возможность поправиться. И это было честно; это было справедливо. Но он происходил от шотландцев, родился с жадой борьбы в крови и с вечной, неизменной любовью к горам и звёздам, к небу и морю, к людям. И он решил, что больше не будет принадлежать ни одному человеку и ни одному правительству. Он был одинок и никому не нужен. Он станет сам себе хозяином. Если ему суждено умереть, зачем умирать в Кэмп-Керни, где страшнейшая из болезней, терзающих человечество, грызёт грудь каждого обречённого?

Не дав себе времени всё обдумать, совершенно ни к чему не подготовившись, Джеймс Льюис МакФарланд протянул руку и ухватился за подоконник, другой взялся за подлокотник дивана и поднялся. Он вернулся к дороге, повернул направо — на север — и медленными, осторожными шагами начал своё Великое Приключение.

Глава 2. Великое приключение

Для одного великое приключение — охота на белых гиппопотамов в Африке, для другого — хотя бы на час стать хозяином собственной души. Джейми МакФарланд, годами беспрекословно выполнявший приказы начальства, испытывал какое-то пьянящее чувство оттого, что теперь мог выпрямиться во весь рост и впервые сам решить, куда отправиться искать счастья — на север или на юг. Почему он выбрал север, он и сам не знал; вероятно, потому, что в ту сторону дорога шла под уклон, а подъём в гору оказался ему не по силам. Так он и двинулся на север, вниз по склону. Шёл очень медленно, всё поглядывал на небо, на деревья, и ему казалось, что аромат цветущих апельсиновых садов, лимонов и мушмулы, мимо которых он проходил, уже не так тяжёл, а воздух становится бодрее. Он задумался: удастся ли когда-нибудь добраться до моря? Не прибавит ли ему сил воздух, крепко настоянный на соли? У дороги он подобрал палку и стал опираться на неё, как на трость. Через некоторое время дошёл до перекрёстка и остановился, внимательно изучая все три дороги: теперь он волен был выбрать любую. Поистине, от такого приключения кружилась голова!

Пока он стоял, с востока подъехал автомобиль. Заметив военную форму Джейми, его исхудавшее лицо и руки, водитель остановился — в те дни так поступали все водители, только Джейми, не выходящий из госпиталей, об этом не знал, — и спросил, не подвезти ли его. Автомобиль сворачивал на север, и Джейми ответил, что будет очень рад. Так случилось, что машина увезла его далеко от госпиталя: когда там наконец хватились его и отправили сестёр на поиски, он был уже за сто миль и всё ещё мчался к северу, весьма успешно продвигаясь навстречу своему великому приключению.

Дорога на север ему нравилась. Нравилась настолько, что, когда водитель наконец сказал, что на следующем перекрёстке повернёт на запад, в большой город, куда ему нужно по делам, Джейми решил: человеку в военной форме, которого могут разыскивать государственные служащие, лучше держаться сельской местности. Он вышел из машины и медленно пошёл дальше на север.

Во время очередной вынужденной остановки он заметил, что наступает ночь, и почувствовал голод. В карманах не было ни цента, а ночёвка на земле, в холоде калифорнийской ночи, вероятно, очень быстро свела бы его в могилу. И тут он понял: вполне возможно, Великое Приключение, которого он ищет, — это смерть. Беря судьбу в собственные руки, уходя из госпиталя и отказываясь от государственного попечения, он ведь знал, что вскоре окончательно выбьется из сил и тем самым положит конец своим бедам самым коротким путём. Несколько минут он размышлял, кончатся ли тогда его беды или только начнутся: шотландцы

любят поучать об аде, огне и сере. Но Джейми МакФарланд, побывавший на последней из мировых войн, знал об аде больше любого шотландского священника, когда-либо описывавшего его с кафедры; почти два года нося в груди открытую рану, он едва ли мог узнать от кого-нибудь что-то новое об огне, а сера на источниках ему не помогла.

Он шёл дальше сквозь вечерние тени, пока идти стало совсем нелегко. Тогда уселся на большой, удобный, ещё тёплый валун у дороги, скрестил ноги и стал ждать, что будет. И случилось как раз то, чего он мог бы ожидать, если бы жил среди здоровых людей. Подъехал ещё один автомобиль. Его владелец, заметив бледность Джейми и военную форму, остановился — в машине было свободное место, — и снова его спросили, не хочет ли он проехать с ними.

«Ловко! — подумал Джейми. — Может, всё окажется не так уж плохо».

Он оглядел машину, до самых подножек нагруженную походным снаряжением. Видел свёрнутое постельное бельё, чувствовал запах еды. У мужчины было приветливое лицо; девушка, сидевшая рядом с ним, была молода и хорошенька. Женщина, с которой ему предложили разделить заднее сиденье, выглядела по-матерински заботливой. Её круглое лицо, волевое и привлекательное, так подействовало на Джейми, что он позволил себе уклониться от полной правды. Сказал, что только что вышел из госпиталя, где провёл год, и дал понять, будто его выписали врачи. О том, что он выписал себя сам и теперь находится в бегах, умолчал. Зато сообщил, что ищет работу и будет очень рад ехать с ними, пока не попадётся место, где найдётся что-нибудь подходящее для человека, недавно уволенного с военной службы и ослабевшего после болезни.

Водитель представился Уильямом Брансом из Айовы. Рассказал, что всю зиму путешествовал с женой и дочерью по Калифорнии на автомобиле; теперь они едут на север штата погостить у друзей, а потом отправятся домой: нужно успеть в Албион к посевной.

Джейми, опасавшийся, что с началом его Великого Приключения о нём могут написать в газетах, своего имени не назвал. Только сказал, что будет необычайно рад проехать с ними столько, сколько им по пути.

Он радовался поездке, но эта радость не шла ни в какое сравнение с той, которую он испытал, когда машина остановилась и у входа в каньон возле дороги начали устраивать ночлег. Пытаясь помочь разгрузить автомобиль, он надеялся, что никто не заметит, как он пошатывается и как коротко, прерывисто дышит. Нужно было держаться осторожно: случилось нечто такое, за что он был благодарен больше, чем мог выразить словами. Он ведь лишь поднял глаза к горам. Лишь подумал о том, чтобы попросить помощи у Господа. И теперь смутно гадал: не могло ли быть так, что именно в ту минуту Бог взглянул в его сторону, увидел его нужду и послал этих добрых, сердечных людей, которые предлагают ему ужин, постель на ночь и место в машине на завтра? По крайней мере, всё это у него теперь было. И, собирая дрова для ночного костра и присматривая удобное место для постелей, он изо всех сил старался изображать крепкого, здорового человека. Ему казалось, что он не вполне заслуживает происходящего с ним. Ещё недавно он думал: не придётся ли ему, словно побитому псу, заползти в кусты и в ночном холоде обрести верное, но мучительное избавление? Всё складывалось совсем не так, как он ожидал. У него будет горячий ужин и одеяло. Из уважения к его бледному лицу и дрожащим рукам ему предложили лучшее место, поближе к костру, так что не было причин ожидать, будто к утру эта ночь ухудшит его состояние.

Энн Бранс была весёлой женщиной. Она дружила со всем светом. Джейми она упорно называла «господином солдатом», а заметив, до чего он бледен и как нетвёрдо держится на ногах, милосердно усадила его и поручила чистить картошку. Более тяжёлую работу по устройству лагеря она оставила мужу и дочери.

Когда Джейми МакФарланд спускался от госпиталя к дороге, ему казалось, что для человека в его состоянии покинуть единственное на свете пристанище, на которое он имеет право, без единого пенни в кармане — Великое Приключение. Теперь он сидел и чистил картошку

для Энн Бранс, а её муж и дочь показывали ему все хитроумные приспособления, скрытые внутри пятиместного автомобиля и снаружи: аккуратный маленький шкафчик для посуды и продуктов на подножке, крошечный холодильник, бензиновую плитку с двумя конфорками, на которой можно сварить кофе, приготовить мясо и картошку, — и то, как удивительно много вещей помещается на удивительно малом пространстве. И он думал, что его приключение, пожалуй, будет простым и домашним, а страна полна добрых людей, не забывших своих мальчиков-солдат. Оставалась хоть слабая надежда, что ему удастся найти посильную работу, что случится что-нибудь, во всяком случае лучшее, чем пожизненное заточение в Городе Белой Чумы. Поэтому он старался чистить картошку аккуратно, снимая тонкую кожуру, как учила его бережливая мать, когда в детстве он помогал ей на кухне. За этой работой ему и в голову не приходило, что с каждой минутой к нему приближается настоящее приключение. Из предосторожности он устроился за машиной, чтобы его не увидел кто-нибудь с дороги. Когда ужин был съеден и постели приготовлены, он поднял глаза, привычные к разведке, и заметил далеко вверху мерцающий огонёк, который медленно спускался. Тогда он сказал, что немного прогуляется.

Оставив Брансов, он медленно и тихо пошёл в глубь каньона, среди зарослей падуба и вечнозелёных дубов, ища место, где можно было бы хоть ненадолго присесть, понаблюдать за странным огоньком, побыть одному и попытаться решить, что делать завтра. Для удачного побега одно казалось ему совершенно необходимым: как можно скорее избавиться от военной формы. Если в госпитале действительно хватятся его и объявят повсеместный розыск, именно форма позволит быстро его опознать. Каждого человека в военном станут разглядывать; против него будут радио, телефоны, газеты. Нужно подумать, что можно сделать и как.

Он шёл вверх по каньону, пока огонь и голоса лагеря не остались позади. Почувствовав усталость, присел в белом лунном свете и посмотрел вверх: огонёк исчез. Глупо было тревожиться. Кто-то сбился с тропы, а теперь нашёл её. Джейми не заметил, что камень, на котором он сидит, так сливается с нависшими ветвями вечнозелёного дуба, что самого его не видно. Не заметил до тех пор, пока с тихим дуновением ветерка, скользнувшего по горе за его спиной, не оказался лицом к лицу с приключением — вполне достаточным, чтобы удовлетворить его желания. Он не знал, сколько времени просидел, обдумывая, что ему делать. Очнулся оттого, что справа что-то спускалось в каньон. Пристально взглядевшись в ту сторону, он увидел, как из кустов появилась фигура крупного мужчины и, стараясь не шуметь, осторожно двинулась прямо к нему.

Когда мужчина вышел из тени в полный лунный свет, Джейми разглядел, что тот высок, без шляпы и пиджака, в рубашке, сапогах и бриджах. Талию охватывал широкий пояс с патронами. Мужчина обернулся, чтобы посмотреть на пройденный путь и прислушаться, и Джейми МакФарланд увидел большой револьвер у его правого бедра, под самой рукой. Он стал дышать почти неслышно и, так же бесшумно, как когда-то на нейтральной полосе, забрался глубже под нависшие ветви.

Великое приключение потому и бывает приключением, что всё в нём происходит так просто и естественно. Великим оно становится лишь оттого, что его не ждали, а вовсе не потому, что нельзя было предвидеть, если бы голова работала как следует. Грозный мужчина с большим револьвером, спускающийся по каньону прямо к нему, подумал Джейми, пожалуй, уже мог считаться некоторым приключением. Возможности заметно расширились, когда слух Джейми, немало ходившего в разведку и немало ползавшего на животе между огневыми позициями, уловил слева на склоне ещё что-то живое: оно кралось, двигалось с величайшей осторожностью, но медленно и неуклонно приближалось к нему.

Приключение стало вполне отвечать самым смелым представлениям Джейми, когда второй мужчина, не такой крупный, как первый, но тоже внушительный, медленно раздвинул

кусты и вышел в каньон чуть левее. Из-за пиджака и шляпы его фигура казалась темнее; в правой руке он держал зловеющий револьвер.

Джейми сидел, раскрыв рот от изумления. Эти двое встретились по условленному световому сигналу — тому самому, который он видел. Крупный мужчина рассказал другому, что спускался к дороге узнать, откуда дым и огонь. Там расположились путешественники; мужчина с ними — суший заморыш, можно смело рассчитывать, что он безоружен, и любой из них справится с ним одной рукой. Судя по машине и снаряжению, несколько сотен долларов наверняка найдутся либо у мужчины, либо у одной из женщин, либо в автомобиле.

Второй выпрямился и протянул:

— Один мужчина и две женщины. Девки молодые? Смазливые?

Вся кровь Джеймса МакФарланда бросилась к голове, а потом отхлынула к рукам и ногам — туда, где боевой крови самое место. Он уже не был больным солдатом, зависящим от милости случайного прохожего. Его подкрепили картошка, мясо, кофе и хлеб, которыми поделилась с ним улыбчивая Энн Бранс. Он пил воду, принесённую смеющейся юной Сьюзен, и обмывал ею усталое лицо. Он не сомневался, что деньги на дорожные расходы лежат в кармане у кого-нибудь из его спутников. Они заработали их тяжёлым трудом на ферме. Отправились попутешествовать в своё удовольствие, на что имели полное право, и до сих пор поездка доставляла им радость. Но если теперь у них отнимут деньги, если Уильяма Бранса избыют до потери сознания или убьют, если женщин, оказавших Джейми столько доброты, оставят на милость этих двоих, стоящих перед ним в каньоне, — значит, в мире ещё осталось дело, ради которого стоило жить. Или хотя бы отдать остаток жизни, пытаясь его выполнить.

Словно змея на камнях, он подобрался и длинной рукой нащупал большой, свободно лежащий обломок скалы. И в ту самую минуту, когда мужчины сблизились, продолжая разговор о женщинах в лагере, Джейми МакФарланд, укрытый дубовой ветвью, тихо сделал сразу две вещи. Правой рукой выхватил револьвер из кобуры на боку здоровяка, а левой ударил зубчатым камнем прямо в лицо тому, кто пускал слюни, слушая описание милой юной девушки. Здоровяк резко повернулся и увидел перед лицом собственный револьвер. Ему оставалось только, повинувшись приказу, отступить с поднятыми руками. А Джейми МакФарланд, ещё выше его и ещё более могучего сложения, соскользнул с камня и вынул оружие из пальцев окровавленного, полуголодного разбойника. Завладев обоими револьверами, Джейми отошёл на безопасное расстояние.

Затем сказал здоровяку:

— Брось мне патронный пояс, сапоги и брюки.

Указав на второго, добавил:

— Сними с него пиджак и брось сюда. И шляпу тоже.

Получив одежду, он отступил ещё дальше, положил один револьвер так, чтобы его легко было схватить, а второй стал перекладывать из правой руки в левую и сумел снять форму солдата Соединённых Штатов. Он избавился от сапог, бриджей и мундира, оставив только опознавательный жетон и медаль за храбрость, и надел добытую одежду.

Потом ногой сгрёб оставленные вещи в кучу и, забрав оба револьвера и пояс, попятился вниз по каньону. Лишь отойдя от разбойников достаточно далеко, он осмелился повернуться и как можно скорее направился обратно к лагерю.

В тени, отбрасываемой ветвью, он как можно тише разбудил Уильяма Бранса, объяснил перемену своего наряда и сунул хозяину в руку один из револьверов. Опасаясь, что у разбойников могут быть сообщники и вся шайка пустится в погоню, они поспешно свернули лагерь, побросали вещи в автомобиль и вскоре оставили далеко позади людей, без разбора посягавших на чужие кошельки и чужое счастье.

Когда нагруженная машина тронулась, Джейми МакФарланд откинулся назад, прислонился головой к стойкам автомобильного тента и слабо рассмеялся.

— Всё-таки армейская выучка — вещь неплохая, — сказал он Брансам. — Не будь я солдатом, очень сомневаюсь, что сумел бы сделаться невидимым или одновременно отнять револьвер у одного человека и разбить лицо другому. А что касается их одежды, насколько я понимаю, наше правительство не желает, чтобы уволенные со службы солдаты слишком долго носили форму. Вот и хорошо, что я избавился от своей в первый же день, когда снова стал простым американским гражданином.

Что могли бы подумать об этом Уильям Бранс, его жена и дочь, находясь в безопасности на айовской ферме, где часто выпадает время поразмыслить, — одно дело. Но сейчас они мчались по калифорнийской дороге; в машине было два револьвера, позади остались два разъярённых разбойника, которые в любую минуту могли настичь их на более быстрой машине, а рядом с ними, возможно, ехал третий разбойник. При таких обстоятельствах всё выглядело совсем иначе. Сюзи Бранс сидела впереди и держала револьвер так, чтобы отец мог сразу до него дотянуться. Миссис Бранс сидела сзади, широко раскрыв глаза, и сердце её было полно тревоги. Уильям Бранс давил на газ и сворачивал на каждом перекрёстке. Куда он едет, ему было совершенно безразлично. Он хотел только одного — оказаться как можно дальше от места, где они стояли. Сейчас, казалось ему, огни любого маленького городка, какой могла предложить Калифорния, были бы желаннее всего на свете.

Что до Джейми МакФарланда, то он хорошо поужинал; у него была одежда, которая не выдавала в нём человека, пропавшего из госпиталя Эрроухед; он знал, где надеется позавтракать, и считал, что для госпитального мира его след потерян. Если такое приключение удалось ему в первый же день свободы, были все основания надеяться, что и завтра он сумеет хотя бы постоять за себя. И вот от полного изнеможения голова его стала медленно клониться вперёд и набок. Миссис Бранс, которую всё ещё смущала его одежда, внимательно разглядывала его, насколько позволял ночной свет. Он выглядел совершенно как любой порядочный американец шотландского происхождения, ослабевший после болезни. Наконец она шепнула дочери:

— Сюзи, не можешь ли ты достать подушку для этого бедного мальчика? Видишь же, он был очень болен и совсем выбился из сил.

Сюзи удалось вытащить подушку из конца свёртка на подножке. Миссис Бранс устроила её у своего плеча, прислонив к задней стенке кузова, и бережно уложила на неё голову Джейми. А Сюзи, став на колени на переднем сиденье, укрыла ему плечи одеялом; на её юном лице ещё не высохли слёзы благодарности.

— Знаешь, мама, судя по тому, что он рассказал папе, мы едва не попали в большую беду, — сказала она. — По-моему, лучше отправить машину по железной дороге, самим сесть в поезд и добраться на север самым быстрым и безопасным путём.

Но матушка Бранс была покрепче духом.

— Да нет, думаю, не стоит, — ответила она. — Просто с наступлением ночи будем держаться ближе к городам. Больше никаких ночёвок у дороги. Револьвер, который достался твоему папе, оставим себе, а на первой же остановке купим к нему патроны. Думаю, мы вполне благополучно закончим наше путешествие.

Глава 3. Пчелиный Мастер

— Мать, как думаешь, мы от них оторвались? — спросил Уильям Бранс, обернувшись через плечо в холодной предутренней тишине, между тремя и четырьмя часами.

— Ты хоть знаешь, сколько миль мы проехали? — спросила жена.

Уильям ответил, что не знает. Когда они остановились разбивать лагерь, он забыл посмотреть на спидометр, но был уверен, что свернул раз сто и не пропустил ни одного перекрёстка. Маленький городок, в который они въезжали, выглядел так, будто здесь найдётся место с чистыми постелями, где можно отдохнуть несколько часов. На главной улице они увидели

освещённые окна и открытую дверь гостиницы и решили сперва устроиться в кроватях и хорошенько выспаться, потом вымыться и позавтракать, а после собраться на совет и решить, что делать дальше.

Когда пришло время выходить из машины, оказалось, что их попутчик спит так крепко, что будить его было жалко. Они набросили на него ещё одно одеяло, заперли автомобиль и оставили ему в полное распоряжение всё заднее сиденье. Поэтому, когда утром на улицах начало оживать движение, Джеймс МакФарланд проснулся с растерянным чувством, будто заблудился. Он понятия не имел, куда делись Брансы и где он находится. Впрочем, последнее вскоре выяснил по вывескам вокруг, а затем рассудил: в городе с несколькими тысячами жителей с Брансами едва ли могло случиться что-нибудь дурное. И первой его заботой стал завтрак.

Накануне вечером он надеялся, что утром будет вместе с Брансами, вероятно, на месте ночлега, перед тем как снова отправиться в путь. Теперь их планы, очевидно, изменились. Скорее всего, они выйдут из гостиницы, перед которой стояла машина, отдохнувшие, вымытые и сытые. Он подумал, что выспался и сам, мытьё можно отложить, но желудок настойчиво требовал пищи. Привередничать он не собирался. Голод был такой, что он, казалось, съел бы почти всё что угодно. И словно нарочно из ресторанов, из гостиницы, из кафе и лавочек на углах доносились соблазнительные запахи спелых фруктов. Позже к ним прибавились ароматы кофе и горячей еды, и Джейми начал соображать, как бы добыть себе завтрак.

Он решил выйти из машины, немного размять ноги на тротуаре и посмотреть, не удастся ли хоть чуть-чуть разогнать кровь. Откуда-то совсем поблизости пахло ветчиной, жареной картошкой, поджаренным хлебом, кофе, беконом и вафлями. Просто по привычке — ведь он знал, что в карманах нет ни пенни, — он сунул руку туда, где у мужчин обычно бывают карманы, и застыл в ошеломлении. Когда он вынул руку на свет, на ладони лежало немало пяти- и десятицентовиков, одна или две монеты по двадцать пять центов и одна в пятьдесят.

Рот его медленно приоткрылся, глаза расширились, и, сам не понимая зачем, он посмотрел вверх зданий, вверх далёкой горной гряды, в глубокую безоблачную синеву калифорнийского неба и очень учтиво произнёс:

— Благодарю Тебя, Господи.

Он не смог бы сказать, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз благоговейно произносил: «Благодарю Тебя, Господи». Ему казалось, что за последние несколько лет поводов благодарить Господа было не так уж много — во всяком случае, с тех пор, как в груди поселился пожирающий огонь, слабость овладела ногами и руками, а его большие, умелые кисти стали дрожать. Не задумался он и о том, что Господь, возможно, не слишком причастен к тому, что на нём чужие брюки. Но ведь брюки были ему нужны, очень нужны; к тому же взамен этих он оставил собственные, куда более приличные на вид и несравненно более чистые. При одном взгляде на добытую одежду его чистоплотная душа содрогалась от отвращения. Он подумал: если бы тогда мог как следует разглядеть эти брюки, возможно, рискнул бы ещё день походить в форме.

Он не знал, когда Брансы вернутся к машине, а голод становился всё сильнее: теперь, когда в руке были деньги, незачем было обманывать себя, будто есть ему не хочется. Он расправил плечи и огляделся, стараясь своим необычайно чутким обонянием определить, откуда среди окружающих заведений доносится самый вкусный запах. Тут он снова вспомнил о мелочи в ладони. Поднял правую руку перед глазами и указательным пальцем левой медленно перебрал монеты. Находка так обрадовала его, что он готов был закричать, как мальчишка. Пятидесятицентовик и две монеты по двадцать пять центов составляли доллар; пяти- и десятицентовые монеты, вместе с несколькими пенни в придачу, — ещё восемьдесят семь центов.

Если заказывать с умом, решил он, главным образом кофе, а к нему немного поджаренного хлеба и бекона для подкрепления, то хотя бы ещё день он не будет целиком зависеть от милости мира. Он поблагодарил Господа за одно только ощущение мелочи в руке; теперь же,

несмотря на голод и желание держаться поближе к машине, чтобы при возможности проехать ещё дальше, Джейми подумал, что неплохо бы воздать благодарность ещё раз. Снова поднял глаза к небу и на этот раз с шотландским выговором, который мог достаться ему от любого из двух дедов, произнёс вслух, прямо там, на тротуаре калифорнийского городка:

— Уж очень Ты добр ко мне, Господи!

Услышав собственную шотландскую речь, он осознал всю необычность происходящего. Джейми, который всего несколько минут назад чувствовал себя весьма обиженным судьбой, громко рассмеялся, повернулся и пошёл по улице туда, откуда сильнее всего пахло беконом и кофе.

Сидя на высоком табурете перед стойкой, поставив ноги на перекладину, он почувствовал, как чужая одежда плотно обтянула его тело, и обнаружил в заднем кармане какой-то предмет. На ощупь это могло быть что угодно, но первое предположение Джейми было: бумажник. Тогда он подумал, что раз один карман обеспечил ему по меньшей мере день жизни, стоит обследовать и остальные.

Он начал с наружного нагрудного кармана пиджака и нашёл там две дешёвые сигары. В других карманах оказались обрывки бечёвки, несколько пуговиц, грязный носовой платок, большой револьвер и горсть патронов. Во внутренних он обнаружил два письма, которыми решил заняться позже. Потом сунул руку в левый карман брюк и вынул её пустой. Наконец, чтобы закончить осмотр, потянулся к заднему карману и достал бумажник.

Это действительно был бумажник, и в нём действительно лежало несколько купюр. Тут же в Джейми проснулась шотландская осторожность. Он немало слышал о разбойниках, ловких воришках и о том, как люди присваивают чужое добро без ведома и согласия владельца. Убедившись лишь, что там есть две или три купюры, возможно, не самого мелкого достоинства, он захлопнул бумажник и убрал его обратно. Затем опёрся локтями на стойку и принялся напряжённо размышлять.

Он не был вором. Никогда им не был. Но он пустился в великое приключение, и с каждой минутой оно становилось всё более великим. Он подумал: если его маленькая мать там, возле Божьего престола, смотрит на него сверху и изо всех сил молится о его безопасности и успехе, а Господь склоняется к ней и выслушивает с любовью и снисхождением, то едва ли до сих пор всё могло складываться лучше. Всего полдня, всего одна ночь — и благодаря благословенному автомобилю, вернее, двум автомобилям, он оказался более чем за двести миль от места, откуда начал путь. А поскольку эти двести миль уводили его на север и запад, он должен был значительно приблизиться к морю.

Почему всё его существо затребовало моря в ту самую минуту, когда он поднялся на ноги и отправился в путь, Джейми не знал. У него не было времени разбираться в себе и выяснять, почему ему хочется воды — целого мира воды, чистой, нефритово-зелёной, небесно-голубой, тёмно-синей, солёной воды и пены, широких полос белоснежной пены. Ему хотелось увидеть волны, большие волны, высоко вздымающиеся у берега; а потом им овладело нелепое желание — вероятно, потому, что он пропустил утреннюю ванну, — войти в эту воду. Затем лечь на песок, греться на солнце, спать без конца и снова возвращаться в море. Может быть, при его особом недуге нужна была вовсе не кипящая вода из подземного источника. Может быть, всё дело решит холодная вода, солёная вода, морская вода.

Он так увлёкся мыслью о том, что море, возможно, сумеет сделать для него то, чего не сделали источники, что почти забыл о запахах еды вокруг. Теперь он мог позволить себе забыть о них: голодать ему не придётся. Через минуту он получит чашку кофе с густыми жирными сливками, хрустящие тосты и настоящий бекон.

Что касается денег в кармане, то он не знал, сколько именно человек, которому принадлежали эти бриджи, задолжал обществу. Однако, судя по занятию, за которым Джейми его застал, по его разговорам и уверенности, с какой он обсуждал предстоящее дело, долг мог

быть немалым. Джейми чувствовал: завладев двумя револьверами и помешав этим двум зверям совершить то, что они открыто и вполне понятно собирались сделать с очевидно порядочным человеком, который долгими годами бережливости и тяжёлого труда сполна заслужил свой отдых, он приобрёл право на содержимое их карманов.

А при мысли о юной девушке и её столь же славной, добропорядочной матери Джейми охватила тошнота. Не заботясь о том, кто на него смотрит, он вытащил бумажник, широко раскрыл его и вытряхнул содержимое. В изумлённых пальцах оказалось ровно сорок девять долларов — купюрами по одному, по пять и по десять.

На этот раз он был по-настоящему ошеломлён. Потолок ресторана выглядел так неприветливо, что, даже если он невольно поднял глаза, поблагодарить забыл. В ту же минуту он принял отчаянно смелое решение: как только съест заказанный завтрак, он вымоется, купит чистое, свежее бельё, брюки и пиджак, которые будут впору и не станут вызывать отвращения, а также шляпу, в которой сможет выглядеть настолько привлекательно, насколько это для него вообще возможно.

Нравственной стороне дела он уделил совсем немного внимания. Он сорвал нападение на лагерь, ушёл от двух мужчин с их оружием. Он оказал Уильяму Брансу, его жене и дочери достаточно большую услугу, чтобы они не возражали против награды в сорок девять долларов. И всей душой, всем непрерывным мучением раны в левой стороне груди чувствовал, что Господь простит ему покупку новой, чистой одежды.

Что там сказал врач? Что он представляет собой наилучшую почву для размножения микробов? При одном взгляде на штанины ему казалось, что он — та самая фабрика, на которой микробы впервые были изобретены. Поэтому он вытянул длинные руки из рукавов насколько мог, отвернул подальше полы пиджака и принялся глотать кофе, такой горячий, что почти обжигался, есть по-настоящему хрустящий бекон и как следует подрумяненные тосты. Он расплатился, вышел на тротуар, неся при себе богатство целого монетного двора, и стал искать автомобиль Брансов.

Машина стояла там, где он её оставил. Он подошёл и заглянул в гостиничный вестибюль. Никого из Брансов не было видно, поэтому он попросил служащего показать книгу постояльцев. Найдя нужную запись, попросил передать друзьям, если они спустятся раньше его возвращения, что он пошёл побриться и купить свежую одежду.

Почему-то его очень ободряло то, что теперь не придётся признаваться Уильяму Брансу, его жене и дочери: он сломлен и измучен, он лишь жалкая развалина человека, без единого пенни в кармане, бежавшая от правительства, с чьими правилами даже не знакома, — так ничтожны были его собственные надежды на освобождение.

Уйти с государственного попечения, не имея представления ни о том, куда он направится, ни о том, что с ним будет, — прежде это не приходило ему в голову даже как самая отдалённая возможность. Теперь же, когда он это сделал, пришлось признаться себе: он не знает, считается ли дезертиром. Конечно, дезертиром он быть не мог — ведь война закончилась уже столько месяцев назад. Разумеется, существовали какие-то формальности, вероятно, уже соблюденные, благодаря которым он оставался на учёте и под государственным попечением. И была самая слабая возможность, что однажды ему захочется получить официальные сведения о службе, за которую он удостоился наград.

Служащий объяснил, где находится лучший в городе магазин мужской одежды. Джейми вышел из гостиницы и купил всё необходимое, чтобы чувствовать себя чистым и удобно одетым. Покупал скупно, выбирая самые дешёвые вещи, которые могли удовлетворить его потребности. Затем отправился в парикмахерскую, подстригся, побрился, заплатил за ванну и после неё переоделся в обновки.

Примеряя перед зеркалом в купальной комнате новую шляпу, он подумал: будь в его жилах побольше красной крови, а на костях — ещё фунтов сто мяса, пожалуй, он оказался бы

не таким уж дурным собой мужчиной. Высоким он останется всегда, ширококостным, как его шотландские предки. На худых руках были длинные, сужающиеся к концам пальцы; черты лица — тонкие, правильные, а глубоко посаженные серо-голубые глаза, по крайней мере, казались глазами честного, доброго человека, с которым интересно поговорить.

В гостиницу Джейми вернулся с аккуратно завернутым свёртком: в нём лежал пиджак одного мужчины и брюки другого. Он собирался где-нибудь по дороге оставить их у обочины — на случай, если найдёт человек, которому так же тяжело, как недавно было ему самому, и они послужат кому-нибудь ещё, как послужили ему.

Когда Уильям Бранс вошёл в вестибюль, Джейми, уверенный в своих аккуратных серых брюках, пиджаке, который действительно был впору, и чистой свежей рубашке, встал с улыбкой и протянул руку. Но вместо узнавания встретил холодный взгляд. Ему пришлось снять шляпу и заговорить с шотландским выговором, прежде чем Уильям Бранс признал в нём вчерашнего попутчика. И сомнения, с которыми он засыпал, гадая, не оставляет ли машину в распоряжении третьего разбойника, навсегда исчезли. В предках стоящего перед ним человека за десять поколений не было даже тени разбойника. Уильям Бранс готов был в этом поклясться.

Продолжая пожимать Джейми руку, он со смехом сказал:

— Ну и ну! Я тебя не узнал. Держу пари, если отойду в сторонку, мать со Сьюзи тоже не узнают!

Джейми рассмеялся в ответ.

— Вчера я переодевался молниеносно, в темноте, — сказал он. — Лунный свет ужасно обманчив. Мне только и хотелось поскорее избавиться от формы дяди Сэма, вот я и воспользовался первым случаем. Но когда сегодня утром проснулся и обнаружил, что моя одежда куда больше меня способна ходить самостоятельно, решил посмотреть, как скоро сумею её сменить.

— Пойдём завтракать, — сказал Уильям Бранс.

— Спасибо, я уже позавтракал, — ответил Джейми МакФарланд. — Если вы будете так добры и позволите мне ехать с вами, пока вы направляетесь на север и запад, это будет замечательно.

— О том, сколько тебе можно ехать с Брансами, и разговора быть не может, — сказал муж и отец семейства. — Поедешь столько, сколько тебе, чёрт возьми, захочется. Мне всё равно, хоть до самой Айовы!

Джейми взял утреннюю газету и читал, пока в вестибюль не спустились миссис Бранс и Сьюзи. Они действительно не узнали его, и пришлось пустить в ход шотландский выговор, прежде чем они поверили, что перед ними вчерашний попутчик. Обе полностью согласились с мужем и отцом: пусть этот человек едет с ними сколько угодно. Джейми тоже ничего не имел против.

В тот день они проехали довольно далеко, пообедали у дороги, а ночь провели в маленькой гостинице. После этого Джейми почувствовал, что пора поворачивать на запад. Можно идти небольшими переходами. Денег в карманах, по его расчётам, хватит на еду и ночлег ещё на несколько дней. И весь долгий солнечный день он неторопливо брёл на запад. Потом понял, что забрался слишком далеко к северу, и взял направление на запад с уклоном к югу.

Ему не хотелось попадать туда, где холод будет ломить его ноющие кости. Он хотел оставаться в краю непрерывного, проникающего в самую глубь тепла. Шёл медленно, часто присаживался отдохнуть. Около полудня, когда уже почти пора было думать об обеде, он остановился в пятнистой тени вечнозелёного дуба, положил руку на камень вместо подушки и крепко уснул.

Когда проходившее стадо наконец разбудило его, он поднялся, взял свою палку и потянулся, готовясь продолжить путь. Тут почувствовал, что чего-то не хватает. Пришлось немного подумать, прежде чем он понял, чего именно. Ему показалось, что брюки сидят как-то иначе,

чем перед сном. Проведя руками вокруг пояса, он обнаружил пустой задний карман, а затем и пустой карман пиджака. Револьвер тоже исчез!

Почти дурея от потрясения и разочарования, Джейми снова сел на камень и огляделся. В нескольких ярдах выше по склону лежал присвоенный им бумажник. Даже карабкаться к нему незачем. Он валялся раскрытый — разумеется, опустошённый, — и Джейми снова оказался почти в том же положении, с которого начал. Оставшихся в брюках пяти- и десятицентовиков хватило бы на сегодняшний день и, может быть, на завтрак утром. Но постель, нужная ему едва ли не больше еды, исчезла так же загадочно, как появилась.

Сидя на камне и угрюмо хмурясь, Джейми больше походил на шотландца, чем на американца. Почему он не положил бумажник в нагрудный карман и не застегнул пиджак, понять не мог. Нашёл его в заднем кармане, туда он хорошо помещался, вот он и сунул его обратно, не думая. Если бы пользовался головой, рассуждал он, проявил бы осторожность.

Он подумал и о том, что значительная часть мира, кажется, утратила прежнее понятие о чести. Между разбойниками, собиравшимися пожить за счёт Брансов, о чести и речи не шло. Они разговаривали так, будто всё имущество Брансов могло по праву принадлежать им. Джейми вспомнил, что и сам не испытывал особенных угрызений совести, забирая найденное в разбойничьих брюках. Он уделил этому вопросу минуту и остался твёрдо убеждён, что приобрёл право на деньги; именно поэтому ему было так досадно, что он не сумел их уберечь. Когда от постели зависит, проживёшь ли ты ещё немного или умрёшь очень скоро и, вероятно, очень мучительно, как можно было так небрежно отнестись к тому, что обеспечивало самое необходимое — и свежие повязки, которые скоро ему понадобятся?

Через некоторое время Джейми поднялся и снова направился на запад с уклоном к югу. Здоровый голод, который он чувствовал час назад, сменился тупой тошнотой. Он прошёл совсем немного, когда ладони, виски и тело стали покрываться холодным потом. Он даже не поднял глаз к небу, чтобы решить, обращаться ли за помощью. Нарочно шёл по самым солнечным местам: уже попробовав ночёвки под открытым небом, он думал, что ему пригодится всё тепло, какое только удастся накопить.

На очередном привале вынул из кармана всю мелочь и тщательно разделил её. Возможно, он доберётся до городка, где за пятьдесят центов в самом дешёвом ночлежном доме можно снять постель. Остальное следовало поровну поделить между ужином и завтраком. После этого он снова окажется во власти мира, а сейчас ему казалось вполне возможным, что мир настроен против него не меньше, чем за него.

Единственным утешением оставалась мысль: если из госпиталя разослали извещение о розыске и повсюду появились его приметы, то благодаря разбойнику он изменился так, что никому не придёт в голову искать в нём описанного человека.

Джейми выполнил свой план, и наутро после завтрака, когда в кармане осталось всего несколько центов, снова побрёл на запад и юг. Он понимал, что почти достиг предела выносливости. От непрерывной ходьбы ступни и ноги так устали, что начали опухать, и ботинки казались слишком тесными. Солнце палило непривычную к нему голову, вызывая головокружение. Глаза были так измучены, что он готов был плакать от желания надеть тёмные очки. Ещё вчера в это время у него хватило бы денег на них; сегодня, когда они стали так нужны, купить их было не на что.

О большей части того дня у Джейми не осталось ясных воспоминаний. Он знал только, что шёл, пока мог, а когда идти дальше становилось невозможно, опускался где придётся — посидеть или полежать. Где именно он попал на дорогу, приведшую в каньон, он не помнил. Он двигался вперёд, почти ничего не замечая вокруг, и не понял, как дорога сузилась до конной тропы, конная тропа — до пешей, а та начала виться у подножия горы, которую когда-то могучее движение земли раскололо сверху донизу.

Он обогнул поворот и вдруг увидел перед собой открывшуюся панораму. В ту же минуту понял две вещи: здесь есть вода, и эта вода поёт. Она неслась, падала, переливалась, смеялась — делала всё, чем умеет ободрять человека вода, когда ей позволяют свободно бежать по каменному руслу вниз по каньону.

Джейми остановился и посмотрел направо, налево, себе под ноги. Справа поднимались стены: сперва на привычную глазу высоту, затем всё выше и выше — на сотни, на тысячи футов. Они стояли столько веков, что трещины и уступы заросли вечнозелёными дубами, падубом, шалфеем, юккой и сизо-зелёными, словно подёрнутыми инеем котиледонами. Там, где из высоких стен сочилась вода, свисали папоротники. Слева открывалась та же изысканная красота, а под ногами лежала отчётливая, гладко утоптанная тропа. Было видно, что по ней прошли бесчисленные путники; кое-где даже усталые глаза Джейми различали отпечаток копыта. Вероятно, здесь ездил объездчик.

Вода у его ног казалась чистой. Она непременно должна была быть прохладной. Перекачивалась через камни, перескакивала маленькие обрывы, падала перед гротами, окаймлёнными нежными папоротниками. Маленькие стройные оляпки ныряли сквозь брызги — вероятно, к гнёздам, укрытым за падающей водой.

Джейми сразу уселся на самый тёплый камень в самом солнечном месте, какое сумел найти, и принялся осматриваться. Немного отдохнув, спустился к ручью и напился из сложенных чашей ладоней. Затем отряхнул новую одежду, которой доставалось довольно суровое обращение, взял палку и пошёл по тропе. Идти было не так трудно, потому что всё время шёл спуск. Вскоре до него стали доноситься голоса.

Он понял: такая красота не может не привлекать людей. Наверное, у воды расположились отдыхающие — с палатками или на пикник. Вода неслась так стремительно, что ничего подобного он прежде не видел.

Джейми подумал, что, возможно, зря избавился от формы. Судя по тому, как часто ему предлагали подвезти его, когда он был в военном, и как равнодушно сотни раз за сегодняшний день мимо проносились автомобили, даже когда он стоял совсем близко и поднимал руку, прося взять его с собой, человеку в форме охотно помогали. А человек в штатском мог быть увешан револьверами и полон дурных намерений. Похоже, прошли времена, когда любой путешественник со свободным местом в машине презирал бы себя за то, что не предложил подвезти пешего путника.

Теперь о поездке и речи не было. Правая нога вперёд, потом левая, потом опять правая. Ох, до чего же они распухли и одеревенели! Ох, как болели!

Как раз когда Джейми решил снять ботинки и чулки, вымыть ноги в холодной воде и посмотреть, не уменьшатся ли боль и отёк, перед ним оказалась большая, недавно выкрашенная табличка. Она сообщала, что этот ручей снабжает водой Клифтон — несомненно, какой-то близлежащий город, — что для охраны воды по каньону ездит объездчик и что всякий, кто каким-либо образом загрязнит её, будет немедленно арестован.

Джейми угрюмо усмехнулся, посмотрел на ноющие ноги и понял, что ботинки лучше оставить на месте: если он их снимет, вполне возможно, что впихнуть туда ноги снова уже не удастся.

Во всяком случае, направление было верным. Каждый шаг, к которому он себя принуждал, уводил его на запад и юг. Поначалу даже усталость не мешала замечать красоту каньона. На расстоянии вытянутой руки цвёл скальный лук Хантера. Росли папоротники и мхи, красная живокость, лиловые, синие и жёлтые люпины, красные пенстемоны и множество жёлтых цветов. Один маленький водоём был полон жемчужно-белого цветения «ящеричьего хвоста», с его пышной листвой и прелестными цветками. Ничего этого Джейми не знал: ни одно из этих растений не встречалось ему при изучении ботаники на Востоке.

Он всё шёл и шёл вниз по каньону. Как медленно он двигался, сам не сознавал, но понемногу начал встречать людей. Значит, не ошибся, когда услышал голоса. Кое-где поднимался дым, и вдруг Джейми с радостью почувствовал, что задача на остаток дня решена. Нужно лишь дожидаться, пока отдыхающие покинут каньон, а затем обойти места, где они сидели, собрать сухие ветки и сучья, которые они принесли или которые упали сами, и на одном из очагов развести такой большой и тёплый костёр, чтобы провести ночь с удобством.

Он сел и ждал, пока среди звуков каньона не остались только птичьи голоса и вода — падающая, бегущая, смеющаяся, поющая вода. Потом начал подбирать всё, что годилось для огня, складывая находки на сгиб левой руки, пока не набрал столько, сколько мог унести.

Вскоре в скалистой стене у ручья он нашёл нишу, где кто-то готовил еду. В глубине золы, залитой водой, ещё тлело несколько угольков. Он отгрёб мокрую золу, подтянул угли поближе и стал заботливо подкармливать их крошечными веточками и сухой травой. Мало-помалу удалось выманить слабый язычок пламени. Он поддерживал его, и к тому времени, когда солнце село и воздух стал холоднее, у него был огонь, способный согреть измученное тело.

Во время одной из вылазок за дровами он перешёл ручей и пошёл вниз по правому берегу, у самого подножия могучей стены, которая грозно нависала над ним. Там он вышел на небольшую открытую каменную площадку, и увиденное заставило его громко рассмеяться.

Люди, весело прошедшие здесь день, оставили остатки обеда. Разложили их на камнях для птиц и белок; но белки ещё не нашли угощение, а птицы давно устроились на ночлег. Там было несколько ломтей хлеба с маслом, сэндвич с холодным языком, сваренное вкрутую яйцо, половина солёного огурца с укропом, не говоря уже о кусочках раскрошенного сыра.

И солдат государства, теперь уже настоящий солдат приключений, уселся на большой камень, всё ещё хранивший дневное тепло, и поужинал вволю превосходной едой.

Когда он поднялся, чтобы уйти, отцовский голос в нём сказал:

«Оставь всё, что осталось, малому лесному народу, как сам нашёл».

А материнский голос сказал:

«Возьми с собой всё до последней крошки на завтра. Дикие создания умеют прокормить себя. Ты болен, ты почти у предела сил, и утром тебе так, так понадобится этот ломоть хлеба!»

Джейми задумался. Он не особенно колебался, забирая брюки разбойника. Совесть не помешала ему воспользоваться содержимым бумажника. Он досыта набил желудок тем, что оставили для диких обитателей каньона, а ведь никто из них не грабил его и ни в чём ему не отказывал. Возможно, во всей этой зелени, которая взбиралась по стенам, стелилась и свисала гирляндами вокруг него, было достаточно еды, куда более подходящей диким созданиям, чем оставленное людьми угощение.

Но в Джейми жило нечто — то самое, что влекло его в рощи и леса, заставляло проходить несчётные мили вдоль форелевых ручьёв в детстве; жила в нём душевная порядочность и чистота. И теперь она сказала:

«Положись на случай, как полагается малый лесной народ».

Джейми снова опустился на колени, раскрошил хлеб и разломил корки. Шутливо положил последнюю корочку на язык и отправился искать дрова.

Когда решил, что запас достаточен, развёл свой костёр и, согревшись и устроившись вполне удобно, свернулся перед ним. Под голову положил руку, под руку — камень и через несколько минут крепко уснул. Он не чувствовал маленьких ящериц, пробежавших по его ногам; не видел древесной крысы, которая сидела на задних лапах и вопросительно разглядывала его, прикидывая, нет ли у него чего-нибудь, что ей хотелось бы выменять на половинку перламутровой пуговицы, принесённую за левой щекой.

Ночью жёсткая постель разбудила его раньше, чем догорел костёр. Он подбросил оставшиеся дрова, повернулся остывшим боком к огню, тёплым — к земле и снова заснул.

Утром он смочил в ручье носовой платок и вымыл лицо и руки. Потом несколько раз смачивал платок и выжимал воду над оставшимися углями, широко разбрасывая их и уничтожая всякий след огня, который мог бы распространиться. Затем, с по-прежнему ноющими ногами в ботинках, которые он так и не решился снять, двинулся дальше вниз по каньону.

Около десяти утра он встретил объездчика. Страж этого каньона был не так одинок, как объездчики в горах, но всё равно оказался приветливым. Он остановился поговорить и, невзначай оглядев Джейми, заметил его измождённую фигуру, белизну рук, кожу, тесно облегавшую худые кости лица. Он был молод, полон жизни, и в жилах его текло немало доброты.

— Моя мать говорит, что если я буду слишком долго сидеть в седле, у меня в ногах разовьётся подагра, — сказал он Джейми. — Как вы смотрите на то, чтобы несколько миль проехать на лошади, а мне дать размяться?

Джейми ответил, что если этим окажет услугу объездчику, то охотно его заменит. Но он не подумал, как лошадиный шаг отзовется в левой стороне груди. Как ни старался он устроиться в седле поудобнее, верховая езда оказалась пыткой, которую долго выдержать было невозможно. Через милю или две ему пришлось снова идти пешком.

И всё же он был благодарен за предложение. В его сознании смутно начинала складываться мысль: мир состоит из людей добрых и дурных, себялюбивых и внимательных к другим, жестоких и сердечных. И лишь от удачи зависит, какие встретятся тебе, когда ты пустишься в великое приключение.

После встречи с объездчиком приключение Джейми растянулось в медленные мили мучений, всё на запад и юг, почти до трёх часов дня. Никто не оставил еды, и не попадалось места, где на несколько оставшихся пенни можно было что-нибудь купить. Он вышел из каньона и пошёл по дороге, которая постепенно расширилась настолько, что по ней могли двигаться лошади и повозки, изредка — автомобиль. Дорога не была ни оживлённой, ни ухоженной. И с каждым шагом идти по ней становилось труднее: его ступни уже вынесли почти всё, что могут вынести человеческие ступни, принадлежащие больному, который упорно гонит себя до последнего предела.

Около четырёх голод, затихший после вчерашнего ужина, снова принялся терзать его. Он был так истощён, что делал два-три шага в сторону, лишь бы не поднимать ногу хоть чуть-чуть выше ради небольшой неровности на дороге. Он начал понимать, что шансов найти кров на ночь почти нет. Найти еду было столь же маловероятно.

До сих пор в его приключении встречались светлые минуты, волнения, боль. Но сейчас, среди жжения в груди, огня в ботинках и общей ломоты во всём истерзанном теле, он не видел в нём ничего хорошего. Начал думать, не сможет ли вернуться в госпиталь и примут ли его обратно. Потом вспомнил о Белой Чуме, которой, по их словам, у него ещё не было, и крепко сжал губы.

Он стоял, покачиваясь на ногах, и, словно полупьяный, вглядывался в дорогу впереди, стараясь решить, не кажется ли правая колея хоть немного ровнее левой. Решив, что идти нужно по правой, он сильно качнулся и двинулся вперёд. Глаза украдкой стали искать по обе стороны дороги место, где он наконец рухнет. Он гадал: если споткнётся, упадёт и не сможет встать, если останется лежать без сознания посреди дороги, найдёт ли его кто-нибудь? И что с ним сделают, если найдут?

Разглядывая обочины, Джейми не заметил поворота, пока ноги сами не пошли по нему. Тогда он взглянул вперёд, глаза расширились, и из груди вырвался лёгкий вздох.

Чуть дальше по дороге, совсем недалеко справа, стоял маленький дом. Из всех домов, о которых он когда-либо мечтал, которыми особенно хотел владеть и в которых хотел жить, этот показался самым желанным.

Он стоял близко к дороге. Перед ним тянулась белая ограда из штакетника, а аккуратная белая калитка отделяла двор от проезжей части. Окрашенный фасад выглядел мягко и

приветливо. Во всём чувствовалась Новая Англия. По углам дома и над крошечной передней верандой вились цветущие растения.

Перед калиткой Джейми увидел круг из дроблёных ракушек и подумал, что дорожка к входной двери, вероятно, тоже выложена ими. Дом стоял совсем близко к дороге, и земли по бокам было немного. Но вся она, казалось, была заполнена теми самыми цветами, за которыми Джейми помогал ухаживать матери в её саду в Новой Англии.

Он видел мальвы высотой до карниза. Справа и слева различал весёлые краски настурций, цинний и бархатцев; его чуткое обоняние улавливало запах гелиотропа, резеды, незабудок и фиалок. Но сильнее всего было впечатление синего облака — милой, успокаивающей синевы.

Джейми покачивался на ногах и с тоской смотрел на дом. Затем взгляд скользнул дальше: за разделяющей участки оградой был ещё один двор, ещё один дом. Потом дома стали дружно собираться по обе стороны дороги, и всюду, куда хватало глаз, виднелись другие жилища, другие признаки жизни.

В ту же минуту до его слуха мягко донёсся медленный, ровный плеск — возможно, морской прибой во время отлива.

Изнемогший, с чувствами, притуплёнными болью, почти весь день он тащился вперёд как полубессознательное существо. Но теперь близость людей, красота чьего-то дома и надежда, что здесь, может быть, найдутся кров и еда, всколыхнули его вялую кровь. Голова поднялась, потускневшие глаза слегка ожили, и он повернул лицо к западу, пытливо втягивая воздух.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя, Джейми произнёс вслух:

— «Коль старый нос не врёт опять, то

я почуял...»

— ...должно быть, Тишайший океан!

Почему он назвал его Тишайшим, он не имел ни малейшего понятия. Вероятно, потому, что был так отчаянно утомлён: если бы не сумел над чем-нибудь усмехнуться, то почти наверняка свалился бы на дорогу и остался лежать, нисколько не заботясь ни о своей новой одежде, ни о чём другом на свете.

В эту минуту сетчатая дверь, ведущая с веранды внутрь прекрасного дома, весь облик которого был одним нежным, манящим приглашением, открылась. На пороге появился мужчина — высокий, худощавый, аристократ с головы до ног. Длинные шелковистые белые волосы были зачёсаны назад со лба; мягкая короткая борода серебристо-белыми волнами спускалась на грудь. У него был длинный тонкий нос, большие глубоко посаженные глаза и белые губы.

Он пошатывался, пересекая веранду. Обеими руками сжимал левый бок и всё качался то вправо, то влево, пока не добрался до калитки. Тогда отнял руки от бока и вцепился в неё. Перегнувшись через ограду и держась за неё, он посмотрел в одну сторону дороги, в другую — и заметил Джейми. Поднял руку и поманил.

Джейми стоял и смотрел на него. Потом медленно, с усилием, тяжело ставя на твёрдую дорогу то одну опухшую ногу, то другую, сделал несколько шагов в его сторону. Снова остановился, всматриваясь в тонкие черты измученного старого лица, в безукоризненную одежду, в согнутую болью фигуру, навалившуюся на калитку.

Собрав все силы, он прошёл ещё немного и оказался достаточно близко, чтобы услышать слова. До его оглушённого, недоверчивого слуха донёсся сдавленный крик:

— Помоги! Ради Бога, юноша, помоги мне!

Ещё минуту назад Джейми не поверил бы, что способен помочь кому-нибудь или чему-нибудь. Он считал, что дошёл до конца своих сил и что, если сам не получит помощи в ближайшие минуты, скоро окажется там, где помощь уже не нужна.

Что-то в белизне этой прекрасной старой головы, в широких плечах и худощавом теле напомнило Джейми отца. И, возможно, именно поэтому он поднял глаза вверх чудесного

белого дома, поверх кружевных деревьев вокруг него, поверх укрывавших его лиан, высоко в синеву, и в самой глубине сердца отдал настойчивый приказ:

«Теперь Ты должен помочь мне, Господи! Теперь Ты обязан мне помочь!»

Он крепко сжал кулаки и одолел ещё три шага до калитки. Разобрался, как она открывается, обнял старика, который на неё опирался, и услышал собственный сухой, задыхающийся голос:

— Ну конечно, я вам помогу!

При этом он понятия не имел, сумеет ли сам сделать ещё хотя бы три шага.

Но всё-таки сделал. Открыл сетчатую дверь, направил человека, которого пытался поддерживать, к большому дивану и опустил на него, осторожно откинув на подушки, которые поспешно взбил. Затем, стоя на коленях и держась за край дивана, снова спросил тем же сухим, прерывистым голосом:

— Что мне делать?

Обе руки больного невольно потянулись к сердцу. При виде чужого страдания мысли Джейми прояснились.

«У него болит почти там же, где у меня».

И он повторил:

— Что мне делать?

— Телефон, — последовал ответ. — Вы должны позвонить моему врачу. Он должен отвезти меня в больницу.

Опираясь на диван, Джейми поднялся и огляделся. Увидел телефон на стене, перед ним маленький столик и раскрытый телефонный справочник. Сел на стул и сделал несколько глубоких вдохов. Потом спросил через плечо:

— Можете назвать номер?

Приступ боли покрыл потом белый лоб над белыми бровями, под которыми большие глаза казались тёмными омутами. Наконец больной ответил:

— Имя и номер в списке возле телефона. Доктор Грейсон.

Джейми просмотрел список, нашёл имя и номер, вызвал нужного абонента и, пока ждал соединения, снова спросил через плечо:

— Как вас назвать?

В ответ донеслось с придыханием:

— Пчелиный Мастер.

Вскоре Джейми уже настойчиво требовал, чтобы к телефону подошёл сам доктор Грейсон. Убедившись, что говорит с ним, собрал силы и произнёс:

— У Пчелиного Мастера очень тяжёлый приступ. Он просит вас приехать и привезти санитарную машину. Хочет, чтобы его немедленно отвезли в больницу.

— Хорошо. Я смогу добраться до него в течение часа.

Тогда Джейми крикнул в трубку:

— Скажите, что делать! Что мне делать для него?

— Ароматный нашатырный спирт. Обтирайте лицо и руки. Дайте ему несколько капель. Держите его почти сидя. Я постараюсь приехать как можно скорее.

Джейми вернулся к дивану и, положив руки на больного, прошептал:

— Теперь помоги, Господи!

Откуда-то взяли силы приподнять Пчелиного Мастера почти до сидячего положения и повыше сложить подушки за его спиной. Потом он стал оглядываться, пытаясь понять, откуда можно добыть ароматный нашатырный спирт. Врач говорил так, словно средство должно находиться поблизости и им здесь привыкли пользоваться. Не заметив ничего похожего на бутылку, Джейми решился спросить. Движение руки направило его в соседнюю комнату: там, на столике возле кровати, стояла бутылка с надписью «Ароматный спирт».

Он принёс её, затем, спотыкаясь, прошёл в заднюю часть дома. На скорую руку оглядев кухню, в которой оказался, схватил полотенце.

На короткое мгновение посмотрел в заднюю дверь. За ней была веранда, затем несколько футов ровной земли, а дальше начиналась довольно крутая дорожка, которая, казалось, уходила всё вниз, вниз и вниз. Джейми бросил быстрый взгляд и тихо, торжествующе произнёс:

— Боже мой! Я добрался до моря!

Он подхватил полотенце и поспешил обратно. Смочил один конец жидкостью из бутылки и, поднося его к больному, незаметно провёл возле собственного лица и глубоко вдохнул. Обтирая руки и лицо старика, он держался совсем близко. Пары нашатырного спирта придали ему достаточно сил, чтобы встать и вернуться на кухню.

Там он позволил себе снять бумажную крышечку с бутылки молока, замеченной возле задней двери, и медленно, размеренно выпил половину. Это так укрепило его, что он сумел найти чемодан наверху шкафа в спальне, открыть сундук и переложить в чемодан указанные бумаги, снова запереть сундук и отдать ключ больному.

Потом нашёл пальто, домашние туфли и другие мелочи, которые ему велели собрать. Когда всё было готово, сел с пропитанным нашатырным спиртом полотенцем ждать санитарную машину.

Тут его попросили остаться в доме и присматривать за пчёлами, пока не выяснится, насколько тяжело заболел их хозяин и когда сможет вернуться к работе.

— Я совсем ничего не знаю о пчёлах, — возразил Джейми. — Я не умею за ними ухаживать. Не можете ли вы послать меня к кому-нибудь, кто сумеет толково присмотреть за вашим хозяйством?

— Здесь почти нечего делать, — сказал Пчелиный Мастер. — Следите, чтобы в поилках была вода. Еду мне приносит соседка. Спать можете в моей постели. Вы и сами выглядите усталым и больным. Я не боюсь довериться человеку с такими руками, с таким лицом, с таким голосом. Обещайте заменить меня до моего возвращения.

Джейми достал из кармана награды за храбрость и показал больному. Сказал, что недавно уволен со службы, что дома у него сейчас нет и он будет рад остаться в таком приветливом доме и делать всё, что сумеет. Но ему необходимы указания, подробные указания о том, как ухаживать за пчёлами.

Пчелиный Мастер улыбнулся редкой, озарившей всё лицо улыбкой и откинулся на подушки, словно успокоился.

— В любой день может заглянуть Маленький Скаут, мой товарищ по делу, — сказал он. — Спрашивайте обо всём, что хотите узнать, и получите толковый ответ. Маргарет Кэмерон, соседка, тоже многое может рассказать, а готовит она превосходно. Скажите ей, что любите есть. Пользуйтесь моей одеждой и постелью.

Потом он закрыл глаза и соскользнул за грань сознания.

Через несколько минут приехала санитарная машина. Старика, чьё лицо могло бы послужить образцом для самого прекрасного изображения древнего патриарха, повезли в больницу.

За короткую минуту разговора с приехавшим врачом Джейми успел узнать адрес больницы и получить обещание, что ему позвонят после осмотра. Доктор Грейсон ему понравился. Понравилось, с какой бережностью тот прикасался к прекрасному, сокрушённому болезнью старику на диване; как сочувственно склонялся над ним; понравилась каждая интонация голоса, которым он объяснил положение.

— Пчелиный Мастер откладывал этот тяжёлый день до последней возможности. Теперь ему необходимо лечь в больницу. Ему придётся остаться там ради операции, которой он сопротивлялся год или два. Если он выбрал вас, надеюсь, вы сумеете устроиться здесь по меньшей мере на несколько месяцев.

Джейми поднёс дрожащую руку к сухим губам и твердил снова и снова:

— Но я ничего не знаю о пчёлах! Чёрт возьми, я ровным счётом ничего не знаю о пчёлах!

Когда санитарная машина уехала, он, пошатываясь, вернулся в дом и прошёл прямо на кухню. Допил оставшееся молоко, и оно настолько подкрепило его, что он вышел в заднюю дверь и посмотрел вниз по склону небольшой горы.

Весь мир там, казалось, жил и сиял цветами — цветами тех же старинных садовых видов, что росли перед домом. Справа и слева, вдоль внешних границ широкого участка, занимавшего, должно быть, не меньше двух акров, стояли буквально сотни белых ульев с куполообразными крышками. К ним с низким гудением летели тяжело нагруженные пчёлы.

Дальше виднелась полоса песка, похожего на серебро. А за ней он уже не только слышал, но и видел мерное движение Тихого океана во время отлива.

Он стоял, пока стоять стало невозможно. Потом закрыл дверь на щеколду и вернулся к дивану. Рухнул на него, стащил ботинки, сбросил с плеч пиджак, натянул на грудь индейское одеяло и опустил подушки пониже.

Затем беспамятство овладело им, как незадолго до того овладело Пчелиным Мастером.

Глава 4. В пчелином саду

Джеймс МакФарланд проснулся лишь во второй половине следующего дня, и пробуждение не принесло ему ни свежести, ни бодрости. Попытавшись сесть, он обнаружил, что всё тело болит, что каждая кость ноет почти нестерпимо. А когда поставил ноги на пол, внимательно осмотрел их и затем взглянул на ботинки, понял: ещё некоторое время ноги в эту обувь не поместятся.

Вспомнив, что Пчелиный Мастер предложил ему пользоваться своей одеждой и постелью, он заковылял по дому, пока не нашёл спальню. Увидев рядом ванную комнату, издал благодарный возглас. Он хорошенько отмок в горячей воде, затем принял холодный душ, и это заметно облегчило ломоту и боль. В комод спальни нашёл бельё и позаимствовал его, чтобы чувствовать себя удобнее, а пара мокасин на полке оказалась именно тем, что требовалось его ногам.

Тут до него донёсся запах приготовленной еды. Он вышел в гостиную и впервые увидел в дверях Маргарет Кэмерон.

Маргарет Кэмерон ничуть не походила на мать Джейми, но вполне могла бы олицетворять мать всех людей — причём именно такую, какая нужна каждому. Её лицо было прекрасно той строгой, резко очерченной красотой, которая неизменно свидетельствует о негибком духе. Одного взгляда на Маргарет Кэмерон хватило бы, чтобы безошибочно заключить: она скорее позволит разорвать себя на части, чем отречётся от своей веры, страны, политических убеждений или семьи.

Она была высокой, без единой унции лишней плоти. Волосы — белые, глаза — синие. Губы и щёки сохраняли живой цвет. Когда она улыбнулась Джейми, он подумал, до чего же она хороша.

— Сегодня утром мне звонил доктор Грейсон, — сказала она. — Он полагал, что вы ещё спите, и не хотел будить. Сказал, что вы будете присматривать здесь за всем, пока Пчелиный Мастер к нам не вернётся. Ни о чём я ещё так не жалела, как о том, что меня не было рядом, когда с ним случился приступ. Одна моя молодая родственница очень нуждалась во мне: в её семье умер человек, и мне пришлось к ней поехать.

— Кажется, я нашёл всё, что требовалось Пчелиному Мастеру, — сказал Джейми. — И, думаю, мы не потеряли времени.

В лёгком движении, которым Маргарет Кэмерон развела руками, чувствовалась решительность.

— Я ни минуты не сомневаюсь, — прямо сказала она, — что у Пчелиного Мастера было всё необходимое. На свете нет человека, который не сделал бы всё, чего пожелает Майкл Уор-

тингтон. Дело в том, что ему пришлось просить незнакомца о помощи, которую я, его давняя подруга, с радостью оказала бы сама.

— Понимаю, — тихо сказал Джейми. — Мне жаль, что вас здесь не было. Думаю, вы правы: любой исполнит его просьбу. Вот и я здесь, хотя во всём штате едва ли нашёлся бы человек, менее подходящий для того, о чём он меня попросил. Но раз он попросил, я остался и попробую.

По лицу Маргарет Кэмерон скользнула сдержанная улыбка. Она прищурилась, глядя через гостиную, через кухню, служившую одновременно столовой, через заднюю веранду — туда, где простирались неизмеримые морские дали. Тихий океан: мирное море, которое улыбается, манит, зовёт и так редко показывает клыки и пасть чудовища, таящегося в его глубинах.

— Понимаю, — тихо сказала она. — Знаю, почему вы здесь, и вижу, что сейчас вы не годитесь для работы. Доктор Грейсон сказал, что выглядите вы совсем неважно. Он подумал, что вы, возможно, были одним из наших — там, за океаном.

Джейми сунул пальцы в карман, вынул наградную планку и две награды за храбрость и протянул ей. Маргарет Кэмерон подошла, взяла его белую дрожащую руку в обе свои и сказала:

— Да хранит вас Господь, мальчик! Порядок дел Пчелиного Мастера я сама знаю наизусть. О пчёлах мне, конечно, известно меньше, чем Маленькому Скауту: его он всерьёз взялся обучать. Но я сумею показать вам, где поилки и как наполнять их водой нужного состава — странно, но пчёлы любят, чтобы в ней было немного соли. Могу пройти с вами по саду и показать, какие цветы больше всего нуждаются в поливе и когда их поливать. Думаю, если несколько дней отдохнёте, потом вполне справитесь. А еду я буду готовить вам, как всегда готовила Пчелиному Мастеру. Только лучше сразу скажите, что особенно любите и как это приготовить. У двух людей вкусы никогда не бывают совершенно одинаковыми.

— Это очень добрый поступок с вашей стороны, — сказал Джейми. — Готов признаться, что сейчас я голоден как волк, и уверен: всё, что вы принесли, будет замечательно.

Он пошёл на кухню и съел приготовленную Маргарет Кэмерон еду. Она объяснила, как пользоваться газовой плитой, если в любое время ему захочется чего-нибудь горячего. Показала маленький ледник на задней веранде, куда ежедневно клали бутылку сливок и бутылку молока. Он заметил корзинку яиц и фрукты. Потом они вместе обошли сад: Джейми узнал, где находятся краны для подключения шлангов, и получил подробнейшие указания о поливе цветов.

Маргарет Кэмерон заметила, как нетвёрдо он держится на ногах, до чего сильно они опухли, увидела тонкие белые руки с выпуклыми синими венами и сделала собственные выводы. По задней дорожке она поднималась очень медленно, чтобы Джейми мог поспевать за ней. Когда они дошли до двери, спросила:

— А пчёлы вас не трогают?

Джейми некоторое время молча смотрел на неё, обдумывая вопрос.

— Не уверен, что вполне понимаю, о чём вы спрашиваете.

— Видите ли, — сказала Маргарет Кэмерон, — есть люди, которых пчёлы не терпят. Для некоторых пройти вдоль любого из двух краёв этого сада означало бы верную и весьма мучительную смерть. Одних людей пчёлы прямо-таки ненавидят, а с другими сразу дружат. Кто-то может поднять крышку улья и зачерпнуть пригоршню рабочих пчёл. Один человек, который иногда приходит помогать Пчелиному Мастеру, носит пчёл в тулье своей шляпы. Но это вовсе не значит, что с ними безопасно каждому.

Джейми задумался.

— А как мне выяснить, тронут они меня или нет?

Он прислонился к дверному косяку, стоя лицом к женщине, и заметил, что ростом она почти с него.

— Вот тут-то и понадобится Маленький Скаут, — сказала Маргарет Кэмерон. — Нет ничего, что Пчелиный Мастер знал бы о пчёлах и не передал со всей тщательностью своему товарищу, своему первому помощнику. Думаю, сегодня или завтра у вас будет гость. Если нет, я позвоню. Послушайтесь моего совета и держитесь подальше от ульев, пока не получите указаний.

Маргарет Кэмерон сложила в корзину посуду, которой пользовался Джейми, пересекла боковой двор и через маленькую калитку вернулась на свой участок.

Джейми стоял и смотрел, как она идёт к невысокому белому дому. Он выглядел весёлым и уютным; казалось, на его постройку ушло столько же труда и времени, сколько на дом Пчелиного Мастера. И всё же ему почему-то не доставало того притягательного очарования.

Подкрепившись едой, Джейми вышел на середину дороги и остановился, разглядывая дом и участок. Ширина карнизов, наклон крыши отличались так мало, что едва ли можно было сказать, в чём именно его отличие от других домов, выстроившихся дальше по улице.

Джейми всматривался и никак не мог объяснить себе эту разницу. Может быть, всё дело в окружении, в белёной ограде и причудливой веранде под покатой крышей. Может быть, в особенном оттенке краски, покрывавшей дерево. Может быть, в редких лианах, душистых кустарниках, ярких цветах, которые взбирались повсюду без малейшего намёка на порядок и строгую расстановку.

Как бы то ни было, этот дом в тени высоких эвкалиптов и кружевных жакаранд, окружённый пёстрым ковром волшебной цветочной синевы, обладал — другого выражения Джейми не находил — приветливым лицом. Он казался живым существом и словно улыбался, радушно приглашая войти.

Потом Джейми посмотрел дальше, на сверкающую синеву моря и такую же синеву неба, а затем поднял взгляд ещё выше. Он стоял, глубоко задумавшись, и, прежде чем осознал, что делает, повторил на отцовский лад слова, произнесённые несколько дней назад:

— Уж очень Ты добр ко мне, Господи!

Затем сквозь повлажневшие глаза улыбнулся дому и вошёл, внимательно отметив сиденья по сторонам веранды и нежные лианы, пущенные над ней. Посмотрел на ковры и решил, что они персидские, старинные и дорогие. В коврах он не разбирался. Зато понимал, что мебель старинная и бесценная. С удовольствием провёл пальцами по палисандру и красному дереву — старым, отполированным долгим употреблением вещам, которые когда-то давно создали мастера своего дела за далёкими морями.

Книжные шкафы, поднимавшиеся почти по всему периметру комнаты от пола до потолка, на некоторое время удержали его внимание. Потом он остановился перед открытым письменным бюро. Перо хозяина стояло в маленькой роговой подставке, наполненной дробью, а на письменной подкладке лежали листы незаконченного письма.

С деликатностью, присущей истинному шотландскому джентльмену, Джейми взял листы, приподнял подкладку, положил письмо текстом вниз на красное дерево бюро и вернул подкладку на место. До возвращения Пчелиного Мастера письмо останется там нетронутым.

Затем его взгляд перешёл к шкафчику над бюро. До сих пор ему попадались имена, известные в литературе с давних времён, но каждый том в этом небольшом шкафчике, казалось, либо целиком посвящался пчёлам, либо каким-то образом касался их. В какой-то момент Джейми поднял руку, чтобы открыть дверцу. Вероятно, сама её тяжесть напомнила ему: лучше отдохнуть ещё несколько дней, прежде чем браться за дело, которое может закончиться скоро, а может и затянуться.

Он внимательно осмотрел соседнюю спальню, отмечая её опрятность, строгий порядок, тонкую красоту офортов и гравюр, редкие книги, лежавшие то здесь, то там, сдержанное изящество обстановки.

Потом прошёл обратно через кухню и заднюю веранду и вышел на открытое послепопуденное солнце. Он был достаточно худ и достаточно продрог, чтобы любить его тепло.

Стоя там и глядя через сад на море, он думал, что перед ним самая прекрасная картина из всех, какие ему доводилось видеть.

Сад занимал два акра на склоне Сьерра-Мадре, там, где горы встречаются с Тихим океаном. Грубая дорожка из камней, собранных на склоне, ступенями спускалась к пляжу. Здесь стояла пергола, густо увитая виноградом, которому давали разрастаться, как в садах Востока. Но вперемешку с ним щедро росли глицинии и клематисы, розы и другие вьющиеся растения, названий, привычек и цветения которых Джейми не знал.

По обе стороны, то возле резко выступавших больших камней, то на крошечных плодородных площадках, то на пологих склонах, росли все плодовые деревья, которым так хорошо в калифорнийской земле и под калифорнийским солнцем: мушмула и инжир, апельсины и лимоны, сливы и персики, груши и нектарины, финиковые пальмы и грейпфруты — лишь по одному или два дерева каждого вида. Между ними и под ними были небольшие ухоженные овощные грядки.

На полпути вниз вдоль дорожки взгляд Джейми привлекла яркая багрово-красная полоса: буйно разросшиеся, подвязанные к колышкам томатные кусты поднимали огромные плоды, некоторые уже лопались от спелости. А справа и слева повсюду были кусты, кустарники, лианы, цветы, цветы и ещё цветы. Почти каждый из них Джейми узнавал, а потому знал: это те милые старомодные цветы, которые выращивали его мать и бабушка.

Белоснежные лилии благодаря тёплой земле и ласковому солнцу зацветали здесь, не достигнув ещё той высоты, на которой раскрывались в холодных садах Востока: разница составляла два, а то и три фута. Вокруг них ковром стелились душистые гвоздики, придававшие свежему солённому воздуху пряную сладость; росли резеда и гелиотроп, незабудки и барвинок с огромными синими цветками, каких Джейми никогда прежде не видел. Целый мир цветов и плодов.

С обеих сторон непрерывно тянулся ровный низкий гул миллионов рабочих пчёл. Их жилища были не похожи на некрасивые плоские ящики бесчисленных пасек, встречавшихся ему в дороге. Каждый улей стоял отдельно, на низкой платформе над землёй, и был покрыт округлой, заострённой сверху крышей. Это придавало ульям красоту, своеобразие и удивительную уместность в этом саду.

Приглядевшись, Джейми обнаружил, что каждый улей стоит среди барвинка, синего, как небо. Затем увидел за ульями ограды, превратившиеся в сплошную стену нежной голубизны плюмбаго. А выше, одна за другой, огромные кружевные жакаранды поднимали к небесам синие облака.

И тогда он понял: перед ульями, вокруг них и возле них простирался целый мир синевы. Синие фиалки, гелиотроп, незабудки, синие вербены, синие лилии, живокость, колокольчики, флоксы, синий вербенник — синее и ещё синее.

Мимо головы и лица, привлечённые красными и другими яркими цветами возле дома, стремительно проносились колибри с драгоценно сверкающими горлышками и головками. Но пчёлы жили в мире, который был весь синим. Казалось, синие цветы особенно любили подбираться к белым ульям, обвивать их, цепляться за них, цвести над ними.

Отдельно, возле задней дорожки, Джейми заметил несколько больших ульев. Когда он впервые пройдёт через весь сад, выйдет за калитку и пересечёт полоску песка, ему придётся миновать их всего в нескольких футах. За песком, в большой бухте, океан накатывал на берег и отступал — мягко, нежно, с тихой, журчащей песней, лучше которой ничто на свете не могло убаюкать усталого человека.

Медленно, на неверных ногах, Джейми прошёл вдоль задней стороны дома. Под жакарандой с восточной стороны он увидел удивительно привлекательную скамью. Подошёл и сел

как раз там, где ветви бросали пятнистую тень ему на голову, а худое тело оставалось вытянутым на солнце.

Он сидел и пытался думать. И оттого, что небо было так прекрасно, море так прекрасно, а сад прекрасен до боли, к нему вернулась старая мысль, которую он таскал за собой последние два года: сколько ещё? Сколько времени ему вообще осталось? Как скоро небо утратит для него свою вечную незыблемость, а море перестанет улыбаться? Лица цветов, пение птиц, гудение пчёл и стрекот сверчков — как скоро всё это для него закончится?

Он слишком тяжело испытал себя, был слишком измучен и перенапряжён дорогой, чтобы питать большие надежды. Всё, что касалось его самого, казалось мрачнее, чем когда-либо. На повязках, снятых перед купанием, остались яркие пятна — новое свидетельство воспалённых ран, упорно не желавших заживать.

В тот день собственное положение представлялось Джейми ещё безнадежнее, чем в минуту, когда он, охваченный горячим протестом, поднялся и покинул государственное попечение. Но горькая насмешка заключалась в том, что именно тогда, когда его личные дела едва ли могли стать хуже, он совершенно случайно оказался в одном из прекраснейших уголков, какими только может похвастаться земля.

Не так уж много мест, где любовь и мастерство создают маленький дом с приветливым лицом. Не так уж много мест, где любовь и здравый смысл создают сад, наполовину из диких растений, наполовину из милых старинных цветов, развивавшихся без скрещивания, удобрений и прочих ухищрений, благодаря которым растения становятся такими буйными и огромными, что трудно поверить: эти цветы живые.

Не так уж много мест, где горный склон спускается шаг за шагом, скользит, прыгает и петляет цветущими тропами, пока не достигнет белого песка у ярко-синего моря. И легко поверить, что именно такому месту естественно стать родиной маленьких круглых белых домиков с округлыми крышами, где миллионы пчёл делают мёд, чтобы подсластить пищу целого мира.

Легко понять, почему пчелиный гул и цветочное благоухание привлекают сюда птиц. А над любым морским берегом непременно пролетают большие серые пеликаны, широко раскинув крылья, чернокрылые змеешейки и дикие утки. Белоснежные чайки и морские ласточки с саблевидными крыльями, похожие на птиц, вырезанных из слоновой кости, чертят дуги и парят ради одной только любви к синему небу и синей воде, ради наслаждения собственной способностью летать.

Непременно будут здесь и качурки, и маленькие длинноногие песочники, и крикливые зуйки, покачивающиеся вдоль берега. Непременно будут дети, копающиеся в песке, и взрослые, проводящие счастливый час на солнце: они просят землю исцелить их тела, а бога Солнца — исцелить сердца.

Сидя на скамье под жакарандой и чувствуя себя так плохо, что слёзы жалости к себе жгли веки широко раскрытых серых глаз, Джейми смутно гадал, что будет, если спуститься к морю, погрузить тело в холодную солёную воду и дать солнцу глубоко вогнать в него все целебные свойства, какие в ней заключены.

Он уже испытал год горячей воды из кипящих недр земли. Каково было бы испытать год холодной воды из морей на её поверхности и солнца с небес?

Губы Джейми горько искривились. Вероятно, он был сейчас так близко к Небесам, как только мог оказаться, прежде чем Небеса пройдут мимо него. И, возможно, всего через несколько дней закончится его пребывание в маленьком белом доме и горном саду. Тогда ему придётся снова идти дальше, пока его положение не станет ещё отчаяннее, чем сейчас.

Глава 5. Маленький Скаут

На следующий день Джейми сидел на той же скамье, погружённый в те же мысли, когда между землёй и небом мелькнула тоненькая детская фигурка, перелетела через ограду и ловко приземлилась на посыпанную песком садовую дорожку. Выпрямившись, ребёнок одной рукой схватился за пояс особенно грязных штанов, а другой поплотнее заправил в них подол не слишком чистой рубашки. Затем, стоя на одной ноге, снял с другой парусиновую туфлю, вытряхнул песок и снова натянул её на босую ступню. Глубоко вздохнул и на мгновение замер, скользя рассеянным взглядом по саду.

За эту короткую паузу Джейми успел рассмотреть худенькую плоскую фигурку. Одна штанина была застёгнута у колена; на другой застёжка разошлась, и она свисала почти до щиколотки вместе с болтающимся ремешком и пряжкой. Рукава зелёной рубашки защитного цвета были обрезаны у локтей, а один ещё и распорот вдоль до самого плеча. Руки, предплечья и ноги хранили следы лазанья и неистовых игр.

Лицо было довольно плоским, нос — чуть вздёрнутым, рот — широким. Глаза не казались особенно большими; с такого расстояния Джейми не мог определить их цвет. Волосы, вероятно, были каштановыми, но калифорнийское солнце выжгло верхний слой до льняной желтизны; там, где пряди расходились, виднелись тёмные полосы. Их ровно остригли по кругу, от одной мочки уха до другой, а на лбу оставили чёлку.

«Голландская стрижка», — подумал Джейми.

И пока он смотрел, ребёнок с необычайно ловким, изящным движением начал кружиться, танцевать на солнце.

То поднимая руки над головой дугой, пока кончики пальцев не соприкасались, то вытягивая правую руку вверх, а левую отводя назад, словно летящий Меркурий, маленькая фигурка двигалась вдоль дорожки туда и обратно. Кружилась, тянулась, будто ловила в воздухе бабочек, танцевала совсем одна под калифорнийским солнцем в середине дня.

Потом, утомившись, ребёнок внезапно сменил танец на шаг и направился прямо к Джейми. На полпути была грядка белых лилий. Возле неё ребёнок остановился, наклонился, заглянул в лица цветов — и тут глаза Джейми расширились, а по лицу скользнула странная, недоверчивая усмешка.

Перед ним было маленькое существо на согнутых коленях, с расставленными локтями и руками по бокам, полуприсевшее, закатившее глаза к небу и с восторгом высасывающее один за другим пестики белых лилий!

Усмешка Джейми перешла в тихий смех, когда он заметил, как с одного пестика, переполненного сладким соком, на лепесток упала капля. Ребёнок поддержал лепесток снизу и с явным удовольствием слизнул её. Затем выпрямился и неторопливо, вразвалку пошёл дальше. Джейми подобрал ноги: они были особенно болезненными и чувствительными, и он не хотел, чтобы на них наступили.

Ребёнок остановился и оглядел его от макушки усталой, больной головы до подошв сильно опухших ног. По маленькому лицу пробежало удивление, но ни малейшего страха не было. И ни шага назад. Завоёванная позиция удерживалась твёрдо.

— О, здравствуй!

— Здравствуй! — ответил Джейми как можно приветливее голосом, ещё недавно огрубевшим от жалости к себе.

— Где Пчелиный Мастер?

Джейми замаялся. Теперь он мог заглянуть в глубину устремлённых на него глаз, и ему показалось, что ни у одного ребёнка такого возраста он не видел столько глубины, выразительности и понимания. Что-то таилось далеко в этих серо-карих глазах, и это заставило Джейми быть осторожным.

— Он уехал на несколько дней и оставил меня за себя, — ответил он.

— Вот как! Но мы тебя не знаем, — возразил ребёнок.

— И всё-таки я здесь, — сказал Джейми.

— Это верно. И, наверно, тебя бы здесь не было, если б Пчелиный Мастер не разрешил. А раз он сказал — значит, так тому и быть!

При последних словах обе руки раскрылись на уровне пояса и решительно описали широкое движение вниз и в стороны, словно с безошибочной точностью охватывая огромные пространства.

— Рад, что, по-твоему, я подойду, — сказал Джейми.

— По-моему пока ничего нет. Я ещё и подумать не успеваю. У меня в голове не акробат сидит, чтоб так быстро кувыркаться. Если Пчелиный Мастер велел тебе прийти и остаться, значит, ты должен прийти, должен остаться и должен делать своё дело. Вот и весь разговор. Я — товарищ Пчелиного Мастера. Разглядывай, приятель! За погляд денег не берут!

Джейми улыбнулся. Когда он улыбался — а случалось это не слишком часто, — в глазах плясали крошечные искорки, кожа на худом лице натягивалась, губы чуть подрагивали, и всё вместе действовало с обаянием, которому ещё никто не оставался безучастен.

Ребёнок придвинулся на шаг, положил руку Джейми на плечо, и маленькое лицо осветилось лукавой улыбкой. Вопрос вылетел внезапно:

— Ты видел мои пируэты?

Джейми кивнул.

— Хорошо получилось?

— По-моему, превосходно, — сказал Джейми.

— Нас в школе заставляют эту дурацкую штуку делать. Ерунда всё это! Но когда удаётся забраться куда-нибудь, где вроде никого нет, я упражняюсь. Под пчелиное гудение и шум волн, кажется, получается лучше, чем под любую другую музыку. Смех один! Вот бы тебе посмотреть, как Старина Толстый Билл делает пируэты! Но если уж в школе заставляют, лучше упражняться без конца, пока не начнёшь делать чуточку лучше другого.

— Здоровое рассуждение, — сказал Джейми. — Если начинать с такой мыслью и упражняться без конца, то другого места, кроме первого, тебе не занять.

— Вот и я так считаю, — небрежно последовал ответ. — И уже при моём нынешнем росте и толщине мне понятно: ни начальником скаутов, ни главой Разбойничьего Притона, ни первым помощником Пчелиного Мастера не станешь, если не потрудишься как следует.

Джейми решил, что перед ним, несомненно, мальчик.

Ребёнок придвинулся чуть ближе, понизил голос и доверительно спросил:

— Когда его увезли в больницу?

Джейми отстранился и вопросительно посмотрел на него.

— Я не говорил, что кого-то увезли в больницу.

— Нет, не говорил, — согласился ребёнок. — Но если бы ты знал Пчелиного Мастера так же хорошо, как я, за всё время нашего товарищества, а оно началось, как только у меня стало хватать сил перелезть через ограду, ты бы знал: отсюда его никуда не увезёшь, кроме больницы. И никак не увезёшь, кроме как лёжа на спине.

— Подозреваю, что так и есть, — сказал Джейми.

Маленькие руки мгновенно разлетелись в стороны с растопыренными пальцами, голова решительно кивнула.

— Вот тошно-тошно так и есть! Ему уже много месяцев надо было туда ехать. Доктор Грейсон и говорил, и уговаривал, и пытался заставить, но никто не мог. Мастер думал, что для меня всё на свете сделает. Так и сказал. Поэтому, когда стало ясно, что он не поедет и никто его не заставит...

Маленькая фигурка внезапно выпрямилась, плечи расправились.

— ...от меня он не услышал приказа ехать в больницу. От меня он услышал: оставайся дома и делай, как тебе нравится.

Тут ребёнок хихикнул.

— Потому что и так было чертовски ясно: именно это он и сделает. А мне зачем портить свой послушной список? Когда занимаешь должность, надо ведь и за своими укреплениями присматривать.

Джейми не видел причин не рассмеяться, да и смех вырвался прежде, чем он успел его заметить. Но маленького собеседника это нисколько не смутило.

— Когда его будут оперировать?

Вопрос озадачил Джейми. Он медленно покачал головой.

— Я даже не знаю, что у него за болезнь.

— Я тоже. Наверно, это единственное на свете, что по-настоящему мучило его и о чём он мне не рассказал. Он рассказал обо всём, что причиняло ему боль и заставило уехать из своего дома на Востоке. И о маленькой девочке с золотыми волосами, с которой пришлось расстаться таким ужасным образом. Все бумаги в большом резном сундуке из красного дерева прошли через мои руки, все картинки тоже. Я знаю, как он любил Мэри, и знаю о доме, которого он лишился. Даже тайну знаю, которая разбила ему сердце. И всё о пчёлах, чему он может меня научить.

Ребёнок помолчал и перешёл на совершенно деловой, беспристрастный тон.

— Вот насчёт пчёл. Там столько надо знать, что даже люди, которые книги пишут, ещё всего не выяснили. Поэтому, конечно, Пчелиный Мастер не мог всему меня научить. Но я знаю всё, что он мог показать: про улы, про пергу и гнилец, про маток, куколок, рабочих пчёл, трутней и кормилиц. Вот кормилицы — это уж совсем предел небесный! Ты ведь вряд ли поверил бы, что у пчёл в улье есть свои сёстры, которые за малышами ухаживают?

Вспомнив недавний опыт, Джейми медленно сказал:

— Сёстры — одни из самых замечательных людей на свете. А о пчёлах я слышал, что они тоже удивительные существа. Поэтому вполне допускаю, что у них есть свои сёстры-кормилицы.

— Правильно рассуждаешь, приятель! Я могу отвести тебя к любому улью, открыть его и показать, может быть, целых сорок тысяч кормилиц, которые ухаживают за белыми куколками.

И тут Джейми во второй раз услышал вопрос:

— А пчёлы тебя не трогают?

И снова ответил:

— Не знаю. У меня нет опыта.

Ребёнок понимающе хихикнул.

— У меня тоже не было — пока не появился. С первого раза, как мне попались на глаза его белая голова и всё, что пряталось у него глубоко в глазах, я тут торчу. А когда он разрешил мне стать его товарищем и помогать с пчёлами, опыта ещё не было. Вот однажды утром и случился поход туда, по восточной стороне, проверить, тронут они меня или нет. Потом мы всегда считали, что тут была ошибка. От меня пахло не так.

Джейми прикусил губу и с усилием сглотнул. По правде говоря, от стоявшего перед ним ребёнка сильнее всего пахло лошадью, а запах собаки лишь ненамного уступал ему. С обоими смешивались отчётливые нотки белых лилий и лука. Это сочетание странным образом действовало на тонкое обоняние Джейми. Ещё недавно глаза жгло от жалости к себе, а сейчас ему хотелось расхохотаться во весь голос. И, собственно, никаких причин не смеяться не было.

Ребёнок, совершенно не подозревавший о его мыслях, серьёзно продолжал:

— От меня пахло не так. Понимаешь, у пчелы вместо носа обонятельные ямки. Они на двух маленьких трубочках, которые торчат там, где был бы нос, если бы это была не пчела. И у каждой рабочей пчелы — это те, которые всю работу в улье делают, — у каждой рабочей пчелы пять тысяч таких ямок. Но рабочая пчела самцу и в подмётки не годится. У самца их тридцать семь тысяч восемьсот, чтобы уж наверняка не пропустить запах матки, когда он отправится за

ней ухаживать. Так что, если бы ко мне приблизился самец, с моим лошадиным и собачьим духом мне бы здорово повезло! Вот в чём была вся беда: от меня пахло не так.

Пчелиный Мастер сказал, что запах слишком резкий. До этого были и поездка на Королеве, и игры с маминной собакой. Когда мы с Дружком возимся, то он сверху, то я, и от меня несло собакой, лошадью и всякими такими вещами, которых пчёлы не любят. Пчелиный Мастер всегда говорил: подумай он сам как следует, этого бы не случилось. Он всё переживал, а для меня это было не так уж страшно. Полезно знать тошно-тошно, во что суёшься. А потом, если считаешь, что выдержишь, скорее всего, и выдержишь.

В общем, я говорю: пойду перед ульями восточного ряда, как ходит Пчелиный Мастер, наполню поилки, посмотрю, нет ли пчелиного воровства, довольны ли матки и откладывают ли по несколько миллионов яиц. Иду себе потихоньку, и вдруг откуда ни возьмись большая рабочая пчела — прямо над головой: ж-ж-ж! А за ней ещё две или три. Они между мной и Мастером, а срезать путь через цветы не хочется: он насчитает цветов едва ли не самый строгий человек из всех, кого Бог создал. И непонятно, как удрать к своей базе: у меня-то всего два глаза, а у каждой из них, может, по шесть тысяч с каждой стороны головы.

Тут Пчелиный Мастер кричит:

«Беги зигзагом!»

Хорошо бы, скажи он это по-испански, по-французски или ещё как-нибудь. Но говорить по-английски при его пчёлах было совершенно бесполезно: они понимали его ничуть не хуже меня! Я изо всех сил пытаюсь сделать, как он велит. Только я — зиг, и эта проклятая пчела тоже — зиг. Я прыгну в сторону, чтобы сделать заг, а она уже сделала заг чуточку раньше. Ну и, понятно, всё время мы друг другу мешали. Слушай, а тебя когда-нибудь Чёрный Немец жалил?

Лицо Джейми на мгновение потемнело. Потом он посмотрел на живое маленькое лицо перед собой и, дав этой минуте пройти, тихо ответил:

— Пчелиным жалом — нет. Но в детстве мне несколько раз доставалось от ос и шершней в полях и лесах. Общее представление у меня есть.

— Вряд ли, — сказал ребёнок. — Вряд ли у кого-нибудь из шестиногих мастеров жалить найдётся такое острое, длинное и всегда готовое к делу жало, как у чёрной немецкой пчелы. Вот те на! Они могут до самой печёнки пронять. А уж когда штуки три возьмутся за затылок, за уши да за мышцы на руках — ох, братцы!

Обе руки сжались в кулаки, потом раскрылись и широко разлетелись в стороны.

— Когда мне наконец удалось добраться до Пчелиного Мастера, меня трясло, будто в ознобе. И держу пари: из солёной воды, которая текла по моему лицу, можно было получить целую суповую ложку соли. Потому что Пчелиный Мастер говорит: в каждом ведре морской воды три с половиной процента соли. Но ставлю четвертак, что во мне её больше. Хоть помри — не удалось бы удержать свою солёную воду.

Мастер сказал, что дело скверное, крепко прижал меня и соскоблил жала: так и надо, потому что, если вытаскивать, будет хуже. Потом направил шланг на глинистое место, намешал прохладной грязи и наложил её на укусы. И сказал, что его самого надо бы хорошенько пнуть за то, что пустил меня к пчёлам с таким собачьим и лошадиным запахом.

Я вытираю глаза и говорю: наверно, в этом всё дело. Надо было надеть его старую пасечную куртку, натереть голову лилиями, а штаны — душистыми гвоздиками. Вот я и иду на заднюю веранду, беру его куртку. Когда начинаю надевать, он спрашивает, что это я собираюсь делать. Я говорю: исправлю свой запах и «попробую, попробую ещё раз».

Он просто сидел и смотрел. Я никогда не видел таких больших и тёмных глаз, и даже когда ему было больнее всего, лицо не становилось таким белым. А потом он совсем тихо, так, что еле слышно, прошептал:

«Ради Бога, Маленький Скаут, неужели ты снова пойдёшь?»

А я говорю:

«Бог тут ни при чём. Это между мной и тобой. И я пойду!»

Застёгиваю куртку, иду к гвоздикам и чуть ли не катаюсь по ним. Может, с гвоздиками вышло грубее, чем Мастеру хотелось бы. Но если тебя хоть раз ужалит Чёрный Немец, поймёшь, почему мне было так важно набрать побольше пряного запаха. Потом я раздавил самую душистую лилию, какую только можно было найти, и натёр ею все волосы. И пошёл по восточной дорожке.

Для начала решил попробовать итальянских пчёл. Они гораздо порядочнее немцев. Свистеть у меня не очень получается, но «Горянку Мэри» я высвистывал как мог. Шёл мягко, спокойно; кажется, последняя лилия ещё была у меня в руках. И всё время сохранял спокойствие: возле пчёл обязательно надо быть спокойным, никакой грубости они не терпят. Хотя нельзя сказать, чтобы уверенность прямо так из меня сочилась.

Я остановился у входа к каждому итальянцу, и никто мне ничего не сделал. Значит, Мастер был прав. Мне досталось из-за неправильного запаха. Поэтому перед Чёрными Немцами я ещё немного размял лилию, подошёл, встал перед ними и сосчитал до десяти. Потом дважды вызвал их: ну-ка, выходите и жальте!

Они немного повозились, две подлетели совсем близко. Но когда почуяли сильный цветочный запах, снова улетели. Как ни крути, а я их не испугался. И когда вернулся к Пчелиному Мастеру, он поднял меня на руки и сказал: дай бы ему Бог дожить до дня, когда его маленькая Мэри показала бы такую же отвагу! И обнял так крепко, что чуть все кости не затрещали. И в первый раз поцеловал меня.

С тех пор и полдюжины поцелуев не набралось. Можешь поверить, он не любитель нежностей! И тогда он сказал, что я могу стать его товарищем и помогать с пчёлами. Уж поверь: прежде чем Пчелиный Мастер расщедрится, придётся встать на ноги, сделать что-нибудь стоящее и размешать свой мыслительный котёл абсолютно до самого дна!

Его куртка висит на задней веранде, а цветов в саду полно. В любое время захочешь узнать, как пчёлы относятся к твоей душе, — всё выяснится быстро, вместе с военным налогом. Только вот что я тебе скажу, ох, братцы! Прежде чем подходить к ульям Чёрных Немцев, исправь свой запах!

— Но как мне его исправить? — спросил Джейми.

— Для начала я покажу нужную куртку. Надень её, потом сунь голову в душистые гвоздики и хорошенько повози ею, как я. Потом возьми белую лилию, раздави и натри ею руки. И ещё, пожалуй, сходи к водяному крану, там есть сырое место, нарви пригоршню мяты и натри ею все штаны.

Что бы ни случилось, не робей! И лучше насвистывай правильную мелодию. Можешь тихо и неторопливо свистеть «Горянку Мэри»? Пчёлы её больше всего любят. Её звали Мэри. И если получится насвистывать совсем мягко, спокойно, с большой любовью, с большой нежностью и с большой тоской, если удастся всё это передать как надо, — ты ведь примерно его роста, — пчёлы, может, и не заметят разницы.

Нет, наверно, всё-таки заметят. Ты, пожалуй, никогда и не слыхал, какие у пчёл глаза. У рабочей, которая за тобой погонится, их по шесть тысяч с каждой стороны головы. А у самца — это опять из-за матки, когда она летит чуть ли не до самого Неба, выше птиц и всего прочего, — у самца по тринадцать тысяч глаз с каждой стороны головы. Так что уж будь уверен: если кто-нибудь тобой заинтересуется, он увидит, что голова у тебя не белая. Все пчёлы заметят, что нет белой головы Пчелиного Мастера. Он всегда ходил без шляпы. И бороды его им будет не хватать, и больших тёмных глаз. Правда, он удивительный?

— Да. По тем нескольким минутам, что я его видел, по его дому, библиотеке и занятию мне кажется, что он действительно удивительный человек.

— Он такое чудо, какого больше нигде нет, — сказал ребёнок, снова широко взмахнув руками вниз и в стороны — жестом, к которому Джейми уже начал привыкать.

Затем внезапно спросил:

— Он был ужасно болен?

Джейми посмотрел в широко раскрытые, понимающие глаза и не подумал ни солгать, ни уклониться.

— Да. Он был самым больным человеком из всех, кого я видел. А больных мне довелось повидать немало!

— Про него ты мне много нового не расскажешь. Сколько раз мне приходилось вести его вверх по задней дорожке, доводить до дивана и доставать нашатырный спирт, когда уже казалось: не вытащить. Он так страдал, что пот стекал по лицу и капал с кончика носа — медленно, по одной капле, прямо на рубашку: кап! кап! Уж я всем скажу, это довольно страшно! Если ему снова будет так плохо, может, лучше уж умереть.

От непринуждённого тона этих слов Джейми отшатнулся на скамье и пристально посмотрел на спокойное маленькое лицо. Ему казалось, что этот ребёнок обожает Пчелиного Мастера. Теперь же он словно оказался перед маленьким язычником, который никого не обожает и даже толком не понимает, что означает это слово.

И всё-таки в объяснении, как надо насвистывать «Горянку Мэри», такое понимание несомненно было. Джейми прищурился, долго смотрел на Маленького Скаута и наконец осторожно сказал:

— Я думал, ты его любишь.

— Люблю? А ну, смотри!

Перед глазами Джейми появилась грязная правая рука. Левая, словно лезвие ножа, резко опустилась поперёк запястья. Пальцы правой руки медленно раскрылись и снова сжались.

— Она мне нужна для моих дел. Без неё не поскачешь на Королеве, не станешь предводителем скаутов, не погребёшь в каноэ, не будешь товарищем Пчелиного Мастера. Но если бы от этого перестало болеть у него в боку, я бы отдал её ему — вот так!

В выразительной пантомиме правая рука была отсечена и отброшена.

У Джейми в горле поднялся огромный ком, едва не задушивший его.

Маленький Скаут встал на одну ногу, другую поставил на скамью, обхватил согнутое колено грязными руками и наклонился к Джейми.

— Кажется, ты меня не так понял.

Эти слова донеслись до его изумлённого слуха. Потом поза внезапно изменилась, и Джейми почувствовал рядом маленькое тело. Голова придвинулась опасно близко к ране, оставлявшей красные пятна на груди. Одна маленькая исцарапанная рука легла на его руку, лицо поднялось к нему, и тихий, мягкий, необычайно нежный голос спросил:

— Ты знаешь, какой красивой может быть смерть?

Пожалуй, это поразило Джейми сильнее всего. Он не думал о Смерти как о чём-то прекрасном, хотя день и ночь видел её рядом с другими людьми на протяжении стольких лет, что не хотелось считать. В собственном случае и двух лет было достаточно. Ответить он не смог, только покачал головой.

— Вот и я не знал. Совсем ничего об этом не знал. А Нанетта знала. Нанетта — моя старшая сестра. Ей ужасно не повезло.

На озере, куда мы ездили прошлым летом, утонул человек. На следующий день Нанетта играла на берегу с другими детьми и наткнулась прямо на него, когда его только что вытащили из воды. Он пролежал там довольно долго, и черепахи над ним уж потрудились.

Она пришла домой, и мама сказала, что у неё истерика. И потом по ночам, во сне, это всё продолжалось, пока мне самому почти не стало видно то, что видела она.

А недавно мамина старенькая тётя Бет ушла на Небо. Сначала мама сказала, что нам нельзя пойти проститься. Она ушла ночью, понимаешь, во сне, сложив руки на груди, с самой

странной маленькой таинственной улыбкой на лице. Будто знала прекрасный секрет, которым очень хотелось поделиться, и улыбалась, пока решала, рассказывать или нет.

Папа сказал: может, хорошо будет нас пустить. Может, Нанетта увидит что-нибудь такое, отчего ей станет легче. Нанетта не хотела идти, но после папиных слов мама заставила. Мы пошли после обеда, когда вернулись из школы. Мама нас вымыла, надела на нас воскресную одежду, а папа повёз на машине. И прямо у входной двери началась красота.

Там был большой венок, почти на всю дверь. Сначала маленькие синие незабудки, фиалки и гелиотроп, потом белые гиацинты, золотистые и синие, веточки лилового вереска, белые розы и бледно-розовые. А внизу, где его перевязали лиловым шифоном, свисавшим до самого пола крыльца, — самые чудесные белые лилии. Ничего красивее мне никогда не встречалось.

Маленькое лицо поднялось к Джейми.

— А ты видел когда-нибудь что-нибудь такое красивое?

Джейми покачал головой.

— В гостиной, где тётя Бет сидела в кресле на колёсах всё время, сколько я её помню, всюду были цветы. Их прислали все наши родные, все соседи, её церковь и даже люди, о которых мы никогда не слышали. Потому что все любили тётю Бет.

Мама говорила, что она самая большая маленькая лгунья на свете. В те дни, когда было видно, как её скручивает от боли, она смотрела прямо тебе в глаза и говорила, что ей лучше. Ей всегда было лучше.

И дом у неё был самый удивительный. Ни разу не случилось прийти, чтобы она откуда-нибудь не достала печенье с конфетой сверху или красные мятные палочки. И изюм у неё всегда был самый лучший. Ах, такого изюма ты никогда не пробовал! А иногда воздушная кукуруза или пончики. И в последний раз — такие пряные имбирные пряники! Они пахли так, как звучит география Индии!

Мы прошли в спальню тёти Бет. На кровати было лиловое атласное покрывало, а она лежала на подушке. Волосы мягкие, волнистые; у неё был большой валик волос, светло-каштановых. Ей было восемьдесят семь, а седого волоска на голове почти не найти. Они лежали мягкими шелковистыми витками и так красиво вились.

И Смерть её заколдовала. На лице ни единой морщинки, шея округлая, губы улыбаются. Ах, какая она была красавица! Платье — будто выкроено из мягких серых облаков, а на рукавах и спереди всё кружево, тонкое, как паутинка. На запястьях оно завязывалось маленькими задорными бантиками.

Нанетта стояла, смотрела, всё подбиралась ближе и ближе, смотрела, смотрела, а потом схватила меня и сказала:

«А я думала, она будет как тот человек!»

И тогда папа и все мы впервые поняли: Нанетта думала, будто все умершие люди на свете выглядят как тот мужчина, который пролежал в воде среди черепак и всего прочего. Уж скажу тебе, как же мы обрадовались, что привезли её посмотреть на тётю Бет!

Она была такой красивой, что Нанетте захотелось развязать ленточки на рукавах и завязать по-своему. И мне тоже захотелось что-нибудь для неё сделать. Я спросил, что можно, и мне разрешили надеть на неё туфли.

Они отвернули кружевное покрывало на лиловой подкладке, и мне досталось надеть ей на ноги маленькие серые туфельки с белым мехом. Самые хорошенькие туфельки! Потом я поправил ей юбки — серую атласную нижнюю и кружевное платье. Нанетта поправила рукава, мы её укрыли, поцеловали на прощание и ушли. И теперь нас больше не напугаешь тем, что кто-то умер!

С тех пор Нанетта ни разу не вскакивала ночью. Ни разу. Теперь мы знаем, что смерть бывает разная.

Бывает, у тебя злое сердце, ты говоришь неправду, берёшь чужое, играешь с Богом нечестно и не уважаешь своё государство. Конечно, если внутри у тебя такое, не будешь хорошо выглядеть ни живым, ни мёртвым.

А ещё бывают несчастные случаи, которые могут произойти с каждым. Долго пролежать в воде, да ещё с черепахами, — одно дело. Или сгореть в пожаре, или погибнуть от взрыва на фабрике. Тут уж просто беда.

Но если тебе удаётся умереть дома — только тихонько уснуть ночью в собственной постели, так тихо, что руки даже не сдвинутся с груди, а когда увидишь Бога, на лице появится маленькая ласковая улыбка... Ух! Держу пари, Бог и все ангелы ужасно обрадовались тёте Бет, когда она вошла, такая стройная, прямая и молодая, в своём мягком облачном платье!

Нанетта вложила ей в руки незабудки, пармские фиалки и гелиотроп, когда как следует завязала рукава. Если тётя Бет всё ещё держала их, когда пришла на Небо, вокруг неё всюду пахло цветами.

Никому из нас не хотелось, чтобы она уходила. Всем нравилось ухаживать за ней. Всем нравилось приносить ей фрукты, цветы, книги и газеты. Каждый из нас берегал для неё все смешные истории, какие только попадались. И всё-таки, когда она ушла, мы все в каком-то смысле обрадовались. Потому что кости у неё, наверное, болели, и она не могла говорить правду, когда всегда уверяла, что ей лучше: иногда всё-таки приходилось сдаваться и вызывать врача, как бы она этого ни ненавидела.

Маленький Скаут поднялся и решительно развёл руками.

— Теперь, после моего рассказа, ты можешь представить, как выглядел бы Пчелиный Мастер, если бы Бог решил, что ему пора уснуть ночью. И больше не было бы боли в боку, и пот не капал бы с носа.

Держу пари, все арфы и все трубы на Небе загремели бы: «Бум! Бум!» — и все ангелы слетелись бы к воротам, если бы Пчелиный Мастер вошёл! Держу пари, сам Бог встал бы, когда Пчелиный Мастер, такой прямой и высокий, подошёл бы отдать Ему честь. Потому что когда-то, где-то он был на войне. У него замечательная форма, и он так лихо отдаёт честь!

Он был солдатом. И держу пари, ты тоже был солдатом: выглядишь как солдат и двигаешься как солдат. По-моему, ужасно скверно, что ты не в форме. Я прямо обожаю военную форму!

И тут рот Джейми приоткрылся, а глаза расширились.

Назад, в его сторону, вытянулась предостерегающая рука. До ушей донеслось шипящее «тс-с», призывавшее к тишине. Мягко ступая, шаг за шагом, выставив одну руку для равновесия, а другую отведя назад в знак предупреждения, Маленький Скаут крался по дорожке вперёд в полуприседе, не отрывая глаз от чего-то впереди.

Джейми наклонился, чтобы проследить направление взгляда, и увидел большого шмеля, карабкавшегося по лепестку у входа в цветочную трубу. Маленький Скаут отмерил нужное расстояние, пригнулся — и вдруг, быстрее, чем Джейми успел понять происходящее, струйка слюны полетела прямо в шмеля и сбила его с опоры.

Маленький Скаут подскочил и издал такой вопль, что вздрогнул бы апач на тропе войны. Дико кружась, размахивая руками, ребёнок кричал пронзительным мальчишеским голосом:

— Попал! Вот те на, попал! Сшиб — и точка!

Потом развернулся, бросился к Джейми и ухватился обеими руками за его колени.

— Слушай, если я приведу Старину Толстого Билла, Паиньку и Ангельскую Мордашку, ты им расскажешь? Подтвердишь, что получилось? У нас пари. Мне теперь причитается четвертак. Если не поверят на слово, я с них шкуру спущу, но куда больше можно будет нос задрать, если ты скажешь, что видел своими глазами.

Джейми наконец сумел придать рту положение, в котором тот мог произносить понятные слова.

— Конечно. В любой день, когда захочешь, я встречусь с твоими друзьями и засвидетельствую, что ты попал в шмеля честно, без всякого обмана.

— Я уже неделю упражняюсь! — гордо похвастался ребёнок. — Всё пытаюсь и пытаюсь. И четвертак поставлен на то, что получится. А четвертак — это, я тебе скажу, немалая ставка! На четвертак много чего можно сделать!

Джейми вспомнил, как в последние дни разглядывал на раскрытой ладони суммы поменьше четвертака, и признал справедливость этих слов.

Разговор о деньгах, очевидно, навёл ребёнка на новую мысль. Пытливые глаза остановились на нём.

— Ты скоро пойдёшь в больницу к Пчелиному Мастеру?

— Жду звонка, — сказал Джейми. — Доктор Грейсон обещал позвонить и рассказать, как идут дела. И как только Мастер сможет меня принять, я, конечно, отправлюсь.

Маленький Скаут сунул руку в карман штанов и вынул пригоршню всякой всячины.левой рукой среди бечёвок, пуговиц, пряжек и камешков выбрал десятицентовик и два пятицентовика и протянул Джейми.

— Когда пойдёшь, загляни в ближайшую закусочную, купи ему булку с сосиской и бутылку клубничной шипучки. Отдай от меня, крепко обними и поцелуй. Ладно?

Джейми с серьёзным лицом принял деньги.

— Непременно! — ответил он горячо.

— Поцелуй для него я тебе сейчас передам.

И без всяких приготовлений прямо на губах Джейми оказался самый крепкий, самый горячий и самый сладкий маленький поцелуй за всю его жизнь.

Он обнаружил, что держит ребёнка за плечи и пристально смотрит ему в лицо.

— Послушай! Ты девочка или мальчик?

Ловко извернувшись, маленькое существо выскользнуло из его пальцев, словно сыпучий песок, и отступило на шаг-другой.

— Если ты сам не можешь понять, то какая, к чёрту, разница?

Джейми пришлось признать, что разницы нет.

— Кажется, мне пора. Очень хочется, чтобы ты с этой сосиской взялся за дело внушительно. Мастер любит, чтобы булку поджарили, варёную сосиску разрезали вдоль и тоже обжарили, провели по ней полоску горчицы, навалили побольше жареного лука и положили ломтик солёного огурца с укропом. Запомнишь? Ты сам такие любишь?

— Господи помилуй! — сказал Джейми, облизывая губы. — Сто лет не ел! Конечно, запомню!

— Ну, значит, решено! А ты точно думаешь взяться за дело и присматривать здесь за всем?

— Как можно лучше, — ответил Джейми. — Но придётся повторить тебе то, что я сказал твоему товарищу: я совсем ничего не знаю о пчёлах.

— Да и вид у тебя не такой бодрый, чтобы спуститься по восточной стороне двух акров пасеки, а потом подняться по западной. Сиди спокойно, я сам пойду посмотрю, всё ли у них в порядке.

Джейми остался под жакарандой и ждал. Маленький Скаут прошёл по восточной стороне, внимательно осмотрел каждый улей и вернулся с докладом: вода в поилках есть, все матки откладывают яйца, рабочие пчёлы заняты делом, трутни бездельничают, как и положено этим неприятным неряхам. Гнильца нигде нет, пчелиные воров тоже не промышляют.

— Просто обыкновенные честные пчёлы, — сказал ребёнок. — Усердно собирают весь мёд, какой могут найти в цветочных садах, там, где Сьерра-Мадре пробивается сквозь Санта-Монику прямо к морю.

Маленький посетитель настоял на том, чтобы отвести Джейми в дом и показать библиотеку книг о пчёлах. Ему указали все тома, которые стоило прочитать, чтобы научиться уходу за пасекой. Потом лёгкий палец пробежал по книгам, стоявшим на отдельной полке.

— А вот эти смешные.

Из ряда вынули маленькую синюю книгу, которая раскрылась сама собой, и весёлый голос прочитал:

— «Существует несколько видов пчёл; лучшие — маленькие, круглые и разноцветные». Ну как тебе это?

Джейми заглянул через плечо Маленького Скаута, увидел на титульном листе имя Аристотеля и испытал, пожалуй, сотое потрясение за этот день.

Книгу закрыли и поставили обратно. Ребёнок повернулся к нему:

— А Плиний говорит: когда пчёлы переселяются через Средиземное море, каждая берёт маленький камешек и несёт в лапках, чтобы стать потяжелее и чтобы ветер её не унёс!

До слуха Джейми донёсся чистый серебристый смех.

— Ну не чепуха ли? Вот бы тебе послушать, как Пчелиный Мастер смеётся, когда читает Плиния о пчёлах! И тут ещё много таких же смешных. А вот эти совсем не смешные. В них почти всё, что надо знать, чтобы по-настоящему заинтересоваться.

Маленький палец пробежал по Леббоку и Сваммердаму — с попутным замечанием:

— У него замечательные картинки о том, как пчёлы устроены внутри.

И остановился на Гюбере.

— Гюбера тебе захочется прочитать. Он был слепой, но придумал все опыты и все исследования, а человек с глазами записывал результаты. Он тоже удивительный. Его книга называется «Новые наблюдения над пчёлами». Очень недурно для слепого человека, я считаю. Понимаешь, быть пчелиным мастером — это ведь не только пчёлы, тут ещё много всякого.

Объяснение последовало непринуждённо, без всякой просьбы.

— Это значит почти всё время быть на свежем воздухе. Это цветы и знание, какие цветы пчёлы любят больше всего. Тут нужны зоркие глаза и твёрдая рука. И, по-моему, надо быть порядочным человеком.

Прежде чем идти к пчёлам, лучше убедись, что у тебя все цилиндры работают как надо. Пчелиный Мастер говорит: пчёлы всё знают. Если кто-нибудь лгун, мошенник и от него тянет грехом и себялюбием — уж поверь мне! — пчёлы сразу поймут, что ты за негодник. И пощадят у них нет ни капли. Только учуют, кто ты такой, — вмиг проколют тебе шину.

Если ты в самой глубине души знаешь, что с тобой неладно и что Бог не пустил бы тебя на Небо, усни ты ночью навсегда, лучше откажись от этого дела. Я тогда поищу кого-нибудь другого присматривать за пчёлами.

Джейми выпрямился во весь рост. Вынул из кармана боевые награды и опустил их перед глазами ребёнка.

— Насколько мне известно, — совершенно серьёзно сказал он, — нет причин, по которым пчёлам могли бы не понравиться запахи, исходящие от моего тела или даже от самых потаённых уголков моей души.

— Тогда всё хорошо, — ответил ребёнок. — Просто иногда у тебя такой вид, будто ты сам не уверен, останешься здесь или пойдёшь дальше.

— Признаюсь, — сказал Джейми, — мне и правда было трудно решить, оставаться или идти дальше. Но если ты мне поможешь, думаю, будет лучше хотя бы попробовать сделать всё, что я могу.

Джейми стоял и смотрел, как маленькая фигурка идёт по дорожке к ограде, через которую появилась в саду.

С самого верха ограды, перед тем как перелететь на другую сторону, до него отчётливо донеслось напутствие:

— Лучше оставайся, приятель! Тебе понравится!

Глава 6. «Учитель благий, что мне делать?»

Целый час после ухода товарища Пчелиного Мастера, которого тот с такой нежностью называл Маленьким Скаутом, Джеймс МакФарланд сидел и смотрел на белёную ограду, за которой исчез ребёнок. Сначала по его лицу бродила улыбка: он вспоминал прямодушный юмор, деловую хватку, вспышки нежности и безжалостное принятие фактов, так быстро сменявшие друг друга в детском сознании. Потом несколько минут серьёзно размышлял, мальчик всё-таки это необычное маленькое существо или девочка. Единственный определённый вывод, к которому он пришёл, был таков: иногда это мальчик, а иногда — девочка.

Мысли снова обратились к тому, что неизменно занимало первое место. Что говорил ребёнок о Смерти? Что она бывает разной? Последние два года Джейми стоял перед лицом Смерти, и самое печальное заключалось в том, что никогда ещё она не казалась ему такой близкой и неизбежной, как сейчас. При каждом движении ноющие кости напоминали о слабости. Опухшие ступни кричали от боли, стоило перенести на них тяжесть тела. А жжение в левой стороне груди он носил с собой так долго, что оно стало почти подобием неизлечимой сердечной тоски или душевного напряжения, от которого нет отдыха.

Джейми был довольно уверен, что может исключить смерть от воды, огня и взрыва. Едва ли что-нибудь из этого с ним случится. Значит, остаются два вида смерти, и ему предстоит встретить один из них.

Это вернуло его мыслями в те времена, когда маленьким мальчиком он молился, стоя на коленях то перед матерью, то перед отцом: отец был со своим единственным ребёнком нежен, как женщина. Несколько лет он становился на колени возле постели и повторял то, чему его научили, добавляя кое-что от себя. Позднее стал забираться в кровать и бормотать молитву кое-как. А затем наступили годы, когда в гордости своей силой, среди разнообразных забот, заполнявших день, он чувствовал себя настолько способным собственным телом и собственным умом справиться с любой нуждой, что не только перестал просить в молитве — ведь он прекрасно обходился, ни о чём не прося, — но перестал и благодарить.

И теперь, сидя в саду, который был всего лишь небольшой горой, спускавшейся к морю, глядя на синеву цветов, на красоту листвы и плодов, затем на белые полосы песка и голубизну океана и неба, простиравшуюся на полмира, он почувствовал отчётливую печаль. Ему стало жаль, что когда-то он отказался от вечерней молитвы.

Если руки были сильны, а ума хватало, если не нужно было просить помощи для тела, он мог просить хотя бы о том, чтобы мысли его не пошли по тому пути, по которому в конце концов пошли. И всегда оставалась благодарственная молитва.

С тех пор как в начале времён рассеялись туманы, солнце пробилось сквозь них и побудило землю покрыться листвой и принести плоды, а затем, согласно предначертанному порядку, появились животные и человек, в мире всегда в какой-то мере существовала та же дивная красота, что сейчас лежала перед ним. В груди каждого человека, рождённого наслаждаться ею, всегда было сердце, которому следовало радоваться и благодарить за такое наследство. Всегда были губы, которым следовало говорить Творцу, как чудесна тайна земли, как величественно море, как благодотворен солнечный свет и как целительны часы тьмы под луной.

Всегда существовал и долг, который так мужественно принял на себя его отец: признавать свои обязательства и указывать путь людям, менее чутким к зову Бога и Природы.

Джейми стал думать, как сделать для себя действительностью ту смерть, возле которой Маленький Скаут возился, целовал умершую, радовался и находил всё прекрасным.

Вспоминая слова ребёнка, Джейми искренне благодарил Бога за то, что, какими бы ни были его ошибки, заблуждения и грехи, он не причинял зла ближнему, не запятнал и не обес-

честил ни одной невинной женщины, не лгал, не мошенничал и не пачкал душу хитростями и нечестными сделками.

После колледжа он собирался изучать лесное дело. Хотел посвятить себя деревьям. Он всегда любил леса, поля и цветы, но дерево для него было живым существом, существом с чувствами, с ногами в земле и головой в небе, с широко раскинутыми добрыми руками, которые дарили миру тень, плоды или радость цветения. Он собирался поступить к величайшему целителю деревьев и под его руководством основательно изучить древесную хирургию, а затем начать большое дело — спасти каждое дерево, которое ещё возможно спасти.

Он подумал, что быть пчелиным мастером тоже совсем неплохо. Он всегда сможет делать всё, что в его силах, для деревьев. А пчёлам необходим целый мир цветов, чтобы создавать сладость, которая с зари истории доставляла людям удовольствие, служила лекарством, исцеляла.

Работа, которую сейчас выполняли перед ним, снуя по саду вверх и вниз, гудящие прозрачные крылья, составляла заметную долю мирового богатства. Если человеку предстоит жить; если он получит возможность надолго остаться в таком месте; если сможет освоить ремесло без дорогой платы за обучение, без долгих лет ученичества, — возможно, это более короткий путь к заработку. И, может быть, не менее приятный, а даже более интересный.

Книги на полках над письменным бюро Пчелиного Мастера, вероятно, содержат сведения, благодаря которым живая пчела, способная на действия, удивительно близкие к мысли и заранее согласованному замыслу, станет не менее интересной, чем неподвижное дерево. Дерево-то уж, при всём воображении, нельзя наделить мыслительными способностями.

Джейми уже решил: если Пчелиный Мастер вернётся из больницы слабым, неспособным работать и останется доволен тем, как он заботился о доме, поливал сад и деревья, присматривал за пчёлами; если он сумеет оказаться полезным и интересным и его попросят остаться, — тогда он сам проверит предсказание, что стоит здесь задержаться, и пчелиный сад ему понравится.

Но именно в эту минуту снова всплыла старая чёрная мысль: сколько времени у тебя останется, чтобы он тебе понравился? Как долго ты, пытаясь помочь Пчелиному Мастеру, будешь похож на слепого, ведущего слепого? Если здоровья не хватит, если сил не хватит, если через несколько месяцев гудение пчёл и стрекот сверчков, пение птиц и бегущая вода, синева сада, моря и неба закончатся для тебя, — какой во всём этом смысл?

Внизу он видел каменные башни и горы, изгрызенные приливами и сокрушительными волнами. Почему бы ему, когда Мастер вернётся и принятый долг будет исполнен, почему бы просто случайно не шагнуть с одного из этих грозных утёсов и не уйти под воду, в течение, которое, кто знает, может унести его хоть до Китая?

И тут перед ним ярко вспыхнула картина, вызванная непринуждённым рассказом Маленького Скаута об утопленнике и черепахах. Здесь его тощую тушу, вероятно, терзали бы акулы. Лицо Джейми искривилось довольно мрачной улыбкой при мысли, что в костях и мышцах акулы найдут мало питательного. Потом он продвинул мысль чуть дальше: мышцы, пожалуй, окажутся достаточно нежными. На один укус кому-нибудь его хватит.

Но вслед за этим перед глазами снова возникло — большое и светлое — детское перечисление видов смерти и описание маленькой старой женщины, лежавшей на лиловом атласе под тонким кружевом. Любимой женщины, которая тихо и мягко уснула ночью, даже не подняв сложенных рук, и унесла в могилу выражение лица, названное Маленьким Скаутом «улыбающимся секретом».

В этом ребёнке были языческая непосредственность, откровенность и жестокость детства. Что там Лафонтен говорил о детях? Что все они беспощадно откровенны и беспощадно жестоки?

В Маленьком Скауте ясно проступала немалая жестокость, но всё же щедрость, нежность и любовь к честной игре были сильнее. Джейми видел перед собой грязную ладонь, на которой

перебирали пуговицы, бечёвки, грузила, пробки и пряжки, разыскивая монеты на угощение Мастеру.

И ещё в голове Маленького Скаута нашлось достаточно проницательности, чтобы понять выражение лица уснувшей женщины.

Джейми подумал: если он намеренно спустится к тихоокеанским скалам и бросится к акулам, то, представ перед Богом, отцом и матерью, не сможет принести на лице никакого улыбающегося секрета. Он не сохранит верность. Нарушит законы Бога и людей. Позволит хрупким женщинам превзойти себя мужеством и стойкостью.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть даже воображаемого выражения материнского лица.

Тут же Джейми вычеркнул Тихий океан из своих замыслов избавления. И дал в душе торжественную клятву: что бы ни случилось, даже если он снова окажется на дороге, среди чёрствого равнодушия, с которым сталкиваются столько странников; что бы ни случилось, что бы ни могло придумать самое богатое воображение, — он не станет рисковать встречей с Творцом, неся в себе малодушие.

Он поклялся всем, что когда-либо любил и почитал: за короткое время, которое ещё, возможно, осталось, он будет стараться, изо всех сил стараться постичь тайну, породившую ту улыбку. И какое бы добро ни удалось ему сделать для Пчелиного Мастера или для любого встреченного человека, он постарается забыть о себе.

Он отодвинет на задний план собственную боль, досаду и разочарование, чувство поражения и бесполезности, жажду любви и духовно близкого собеседника. И посмотрит, не смогут ли эти шесть с лишним футов костей и мышц, в которых заключено его существо, перед уходом оказать хоть небольшую услугу Богу и людям.

Может быть, если удастся сделать хоть что-нибудь, облегчить боль хотя бы одного сердца, страдающего так же, как сейчас страдало его собственное, — может быть, именно это знание станет тайной, которую он понесёт в груди. Она наложит на лицо печать неизгладимой улыбки, так что даже ребёнок различит величие породившего её чувства. И когда придёт конец, ему не будет стыдно.

Он поднялся и решительно, хотя и с болью, заковылял вниз по длинной извилистой горной лестнице с неровными ступенями, пока не добрался до калитки. Там сел и посмотрел на оставшиеся ступени, на берег в обе стороны.

Слева, не очень далеко, он заметил необычайно привлекательную небольшую каменную гору. Она стояла у края Тихого океана смело, гордо, с вызывающим высокомерием, и, кажется, сзади на неё можно было подняться. Джейми представил, что наверху найдётся углубление, где можно сесть и смотреть на север, запад и юг, через неизмеримые мили морского простора, в беспредельные небесные земли, в звёздные сады Небес.

Он задумался: правил ли когда-нибудь король с такого трона? И решил, что нет, никогда.

Он решил сделать это место своей целью. Сегодня дальше не пойдёт: уже усвоил, что спускаться с горы гораздо легче, чем подниматься. Но завтра откроет калитку и дойдёт до того места, где раскрываются трубы дурмана и нежные лиловые куртины стелющегося цветка — песчаной вербены.

Джейми никогда не слышал о песчаной вербене, но обладал очень тонким обонянием и в этот вечерний час улавливал дивный аромат. Он наблюдал за несколькими запоздалыми пчёлами, летавшими туда и обратно к нежным цветным пятнам.

Завтра он дойдёт ровно до той границы, где розовато-лиловая вербена и золотистые береговые примулы раскрываются навстречу солнцу. А на следующий день двинется прямо вперёд, пока не достигнет вершины бесстрашной скалы.

Чтобы добраться до неё, нужно пройти вдоль длинной полосы разбивающихся волн, каждая из которых словно говорила:

«Ну, давай! Осмелюсь подойти!»

Джейми сидел, смотрел на ноги, думал об их отёке и боли, и его охватило сильнейшее желание погрузить их в холодную солёную воду океана. Однажды он даже начал подниматься, но тут подумал: а если продрогнет, если сильно простудится, если начнётся кашель?

Джейми положил руку на левую сторону груди и остался сидеть.

Это очень скоро означало бы конец. А он, если только возможно, собирался бороться до тех пор, пока Пчелиный Мастер не вернётся и не освободит его от ответственности, которую он принял, согласившись остаться с пчёлами.

Но желание войти в холодную солёную воду уже проснулось.

Услышав зов к ужину, он медленно, с болью двинулся вверх по извилистой лестнице. Через каждые несколько ступеней останавливался и поворачивался к ленивым волнам, которые подползали по песку и снова откатывались. И говорил себе: так же верно, как в небе есть свет, однажды он спустится туда и окунёт в океан хотя бы ноги. Поднимется на каменную гору и будет сидеть на высокой вершине до самой ночи, сколько захочет.

Он будет смотреть на Тихий океан, когда луна прошьёт его миллионом серебряных дорожек.

Когда-нибудь, возможно, разразится буря. Волны будут хлестать почти до вершины каменной горы; загрохочет гром, молнии метнут раздвоенные языки, волны обезумеют и предадутся самому неистовому, ничем не сдерживаемому буйству.

Тогда он непременно окажется на вершине скалы. Будет смотреть на эту бурю стихий и увидит, насколько она похожа на бурю, уже давно бушующую в его сердце и сознании.

Просто добраться до высокой вершины — уже было о чём думать, ради чего трудиться. Перед ним появилась определённая цель.

Он поднялся ещё на несколько ступеней и снова остановился, всматриваясь в лицо моря и высокую вершину, которую мысленно назвал тронном.

Это и был трон — место, где человек может стать властителем собственной души. Там, наверху, хотя бы ненадолго, он будет монархом всего, что охватывает взгляд. И лучше быть монархом хоть час, чем никогда не знать царственного стремления.

Джейми вернулся к ужину, приготовленному Маргарет Кэмерон. Подъём так утомил его, а ноги так нестерпимо пульсировали после долгого, непривычного перехода, к которому он их принудил, что он решил: ему хуже, чем было при уходе из госпиталя.

И тут он глубоко ошибся. Возможно, тело оказалось настолько измучено, что ему действительно было хуже. Но сердце и разум получили упражнение, которое пошло им на несомненную пользу.

Пока он ужинал, Маргарет Кэмерон ходила по комнатам, то поправляя занавеску, то стирая пылинку с прекрасной старой мебели. Она ревниво высматривала, не причиняет ли чужой человек вреда имуществу соседа, которого за долгие годы научилась не только уважать, но и любить с глубокой, неизменной преданностью.

Вскоре она вышла из гостиной и резко опустила на стул возле стола, за которым ел Джейми.

— Знаете, — сказала она, — сегодня я уже почти дошла до предела. Меня тревожат и собственные дела. У меня один ребёнок, и моя дочь всегда была хорошей девочкой. Хорошо училась в школе, хорошо прошла учительскую подготовку, и, когда захотела получить место, ей без труда нашлась школа. Но я никак не пойму, зачем ей понадобилось уезжать так далеко от дома, когда она могла бы работать здесь и жить со мной.

Может быть, ей надоел маленький дом и придирчивая старуха, которая вечно что-нибудь скребёт и моет, вечно ворчит, что молодёжь идёт к гибели. Не уверена, что это не я её прогнала. Зато уверена, что кухня Молли её сманила.

Не уверена и в том, что нынешнее поколение действительно катится к гибели. Моя мать точно так же думала о девушках моего времени. Когда мне хотелось пойти с парнем, за кото-

рого я потом вышла замуж, на танцы в амбаре, на лущение кукурузы, поехать верхом на пикник или на собрание, ей непременно казалось, что мы делаем нечто такое, чего молодые люди прежде никогда не делали, и что перед нами уже разверзлась погибель.

Может, и разверзлась, откуда мне знать. Во всяком случае, я тревожусь за Лолли. Мне показалось, что у неё на душе что-то есть, о чём она не хочет мне говорить. Но и это ещё не всё.

Прямо признаюсь: если Пчелиный Мастер не переживёт операцию и не вернётся к своему дому и соседям, весь остальной мир станет для меня совсем безвкусным. Мы прожили здесь бок о бок много лет. Я приходила помогать ему обустраивать дом, он приходил помогать мне. А когда молодёжь уходила по вечерам и время тянулось медленно, он заходил, и мы играли в криббедж или шашки. Для шахмат у меня никогда не хватало ума, чтобы ему было со мной интересно.

Иногда я приходила сюда, а он сидел там, у огня, и читал вслух одну из этих прекрасных старых книг.

Она замолчала и посмотрела на Джейми.

— Вы знакомы с «Молитвенными размышлениями» Донна?

Джейми кивнул.

— Они были в библиотеке моего отца. Но никто даже не подумал сохранить для меня его книги. Он умер, пока я был на войне, а мать ушла незадолго до него. Всё продали. Никто из соседей не сберёг для меня ни вещи из одежды, ни предмета мебели. Донна продали вместе со всем остальным. Не знаю куда. Я был слишком болен, чтобы искать, да и денег не было. Приходилось оставаться там, где обо мне заботилось государство.

Но я могу представить, что значило видеть Пчелиного Мастера с отблеском огня на прекрасном старом лице и книгой Джона Донна в тонких пальцах.

Маргарет Кэмерон медленно кивнула.

— Да, — сказала она чуть сдавленным голосом, — да, это было чудесное зрелище. За всю жизнь я не видела даже на картине человека, столь прекрасного и телом, и духом, как Пчелиный Мастер.

Надеюсь, когда он вернётся, вы останетесь, пока не узнаете по-настоящему всё благородство его души. Одно лишь понимание того, каким мягким, нежным и тонким может быть человек вроде Майкла Уоррингтона, поддерживало бы вас до конца дней.

Газеты сегодня так полны рассказов о том, какими бывают мужчины, хотя такими быть не должны. Я хотела бы, чтобы каждый молодой человек на свете мог прожить год рядом с Пчелиным Мастером и научиться его терпению и снисходительности, широте взглядов, любви к жизни и бесстрашию перед тем, что ждёт за её пределами.

— Тогда почему он так сопротивлялся операции? — спросил Джейми.

На щеках Маргарет Кэмерон проступил тусклый румянец.

— Ну, прежде всего, он приехал сюда с разбитым сердцем. Подробно со мной никогда не говорил. Но дважды, когда я подходила к дому, он разговаривал с Маленьким Скаутом. Думаю, этот ребёнок знает, кто или что разбило ему сердце. Думаю, знает, от чего он бежал, когда приехал сюда один, привезя лишь обстановку для библиотеки и спальни.

У него в спальне есть портрет — вероятно, жены. Однажды я спросила о ней, и он сказал только, что она умерла много лет назад, а он потерял ещё и её ребёнка, которого обожал. Но там было что-то ещё.

Смерть можно пережить, если вместе с ней остаётся надежда. А лицо женщины на портрете в спальне Пчелиного Мастера вполне могло бы олицетворять надежду, чистоту, стойкое мужество — почти любое прекрасное качество, какое только бывает у женщины.

Он потерял её, потерял её ребёнка. Уверена, потерял и дом, и друзей. Думаю, он сознательно шёл до самого предела своих сил. А когда дальше идти уже не смог, упал и оставил свою судьбу в руках доброго Господа.

Так они разговаривали до сумерек.

Собрав остатки ужина в маленькую корзину, Маргарет Кэмерон отправилась домой. Пригласила Джейми приходить в любое время, когда станет одиноко, и обещала помогать с утренней работой, пока не убедится, что он научился правильно поливать.

Лилии нельзя заливать, чтобы не загнили луковицы; на розах не должна появиться мучнистая роса; пальмам нужна достаточная сухость, а акациям — достаточная влажность. К тому времени, когда она закончила перечислять причины, по которым должна приходить, Джейми понял: её присутствие при начале работы действительно необходимо.

Затем он пошёл в гостиную. Его отравленная кровь двигалась медленно, поэтому он чиркнул спичкой и разжёг приготовленные в камине дрова.

Долго смотрел на стоявшее рядом кресло — с высокой спинкой, широкими подлокотниками, кресло, в которое так и хотелось сесть. Даже не закрывая глаз, он видел шелковистые волосы и бороду, белый лоб и прекрасные глаза величественного старика, чей дух властвовал над пчёлами, домом и собственной душой.

И что-то в Джейми, принадлежавшее к самой его сути, отказалось занять кресло Мастера.

Он отодвинул его в сторону и выбрал другое, которое, как ему показалось, почти так же хорошо подойдёт его длинному телу. Потом открыл шкафчик над письменным бюро и снял один из томов, указанных Маленьким Скаутом.

Книга сама раскрылась на одной странице. Первый абзац, на который упал взгляд Джейми, гласил:

«У пчёл бывает два вида правителей; если правителей слишком много, пчёлы гибнут, ибо приходят в смятение. Маслины и пчелиные рои умножаются в одно и то же время. Сперва пчёлы строят соты, куда помещают потомство. Соты они выкладывают ртом, как говорят те, кто утверждает, что пчёлы собирают материал для них извне. Воск получается из цветов. Материал для воска они приносят из выделений деревьев, мёд же падает из воздуха, преимущественно при восходе звёзд и когда радуга опускается на землю».

Прочитав этот абзац, Джейми затряс плечами от сухого смеха. Потом помолчал и обратился к огню.

— Меня оставили здесь присматривать за пчёлами. Значит, следовало бы подойти к рабочей библиотеке, выбрать руководство для начинающих и самому разобраться хотя бы в некоторых вещах, о которых говорил Маленький Скаут. Как отличить матку от рабочей пчелы, трутня от кормилицы. Думаю, я почувствовал бы себя умником, если бы смог посмотреть на пчелу, ползущую по розе, и сказать, рабочая она или кормилица. Интересно, Маленький Скаут это умеет?

Джейми посмотрел на огонь.

— Ничуть бы не удивился. Понимаю: сначала надо освоить практическую сторону пчелиного дела, а уж потом читать его поэзию. Но, клянусь своим арбалетом и алебардой, эта поэзия пчёл — увлекательнейшее чтение!

Он придвинул лампу, подбросил в огонь ещё один дубовый сучок, поудобнее устроился в кресле и читал, пока не начали уставать глаза и не притих огонь. Затем отправился спать.

Проснувшись на следующее утро после долгого, крепкого сна, вымывшись и справившись с ремнями, которые шли через плечи и вокруг спины, удерживая повязки на груди, он сделал заметный шаг вперёд. Потому что думал не о ране и не о том, как скоро она его доконает.

Он думал, придёт ли сегодня Маленький Скаут. Останутся ли после обязательной работы силы добраться до лилово-жёлтой границы пляжа. Думал о мёде, который так услужливо дождём падал с Небес, чтобы древние пчёлы могли собирать его и наполнять ячейки.

Он думал почти обо всём, кроме себя, — и это было одним из лучших событий за два долгих года.

В тот день, закончив полив и немного поспав после обеда, он совершил задуманный переход и сел на горячем песке. Его так занимал вечерний аромат маленьких лиловых цветов, так очаровывала золотая красота других, что он решил поискать среди книг Пчелиного Мастера книгу о цветах и узнать, что это за странные, прекрасные растения.

С более высокого места он с тоской посмотрел на чистую холодную морскую воду и на расстояние, отделявшее его от трона, и решил: возможно, через неделю сумеет добраться туда. После ночного отдыха и долгих водных процедур ноги чувствовали себя гораздо лучше. Мышцы уже не были так скованы, а кости не ныли столь нестерпимо.

В шесть часов вечера зазвонил телефон. Доктор Грейсон сообщил, что операция закончена, Пчелиный Мастер снова в своей палате и пришёл в сознание. Почти первым его вопросом было: нет ли вестей о пчёлах?

Доктор ответил, что всё хорошо. Но если к утренней перевязке найдётся какое-нибудь особенное сообщение, это может помочь.

Джейми снова заверил, что всё в порядке, добавил подробности о поливе и спросил, когда сможет увидеть Пчелиного Мастера.

Доктор Грейсон ответил:

— Он не понимает, насколько непрочно его состояние и насколько он слаб. Но, думаю, через неделю или десять дней вы сможете прийти впервые. А пока я буду звонить каждый вечер и сообщать, как он себя чувствует. И мне было бы интересно узнать, как чувствуете себя вы сами.

Джейми замялся. Он не знал, что ответить. Но прежде чем успел что-нибудь сказать, доктор продолжил:

— Когда жизнь Пчелиного Мастера была в опасности, времени заняться вами не было. Но вы показались мне одним из наших солдат, у которого где-то в организме осталось довольно серьёзное неблагополучие. И я сомневался, по силам ли вам работа, за которую вы берётесь. Приходите в любое время, если захотите, чтобы я вас осмотрел. Возьмите карандаш, я объясню, как добраться до больницы, если вы здесь чужой.

Джейми сказал, что он действительно чужой и будет очень рад узнать, где находится больница. А когда придёт к Мастеру, если доктор будет так добр и не откажется от своего предложения, это было бы замечательно.

Прошёл ещё день, потом ещё. С каждым днём Джейми немного раньше заканчивал поливать цветы и плодовые деревья, готовить воду для пчёл и осматривать ульи.

Он последовал совету Маленького Скаута. Отправляясь к пчёлам, надевал куртку Пчелиного Мастера, натирал руки и волосы белой лилией и близко знакомился с грядкой душистых гвоздик.

После слов ребёнка он опасался, не уловят ли чувствительные органы пчёл слабый запах повязок и не возмутятся ли этим незнакомым запахом. Но ничего подобного не случилось. Ростом и сложением он был почти как Пчелиный Мастер; носил знакомую куртку; часто упражнялся в насвистывании «Горянки Мэри». И пчёлы, насколько он мог убедиться, совершенно не обращали на него внимания.

От отдельно стоявших ульев Чёрных Немцев он держался подальше. В глубине души чувствовал: если подойдёт к улью с чем-нибудь, что называется Чёрным Немцем, то, скорее всего, соберёт остаток сил и пинком отправит его в самую середину Тихого океана, не заботясь о возможном возмездии.

Однажды, вешая куртку на тот крючок, с которого взял её, он коснулся пальцами чего-то шероховатого и тёплого. Приглядевшись, обнаружил шерстяной купальный костюм — тёплый, плотный.

Джейми снял его, нетерпеливо ощупал, потом вышел на заднюю веранду и посмотрел на синие воды моря. Приложил костюм к плечам, обернул вокруг себя и стал думать: прикроет ли он повязки и что случится, если перевязочный материал пропитается солёной водой?

Он побоялся, что это не годится. С сожалением повернул обратно и медленно повесил шерстяной костюм — не туда, где он висел прежде, а на первый крючок возле косяка задней двери. Повесил на самое видное место, чтобы замечать его каждый раз, когда входит или выходит.

И каждый раз останавливался и смотрел.

Ещё через несколько дней решил: может быть, не так уж плохо надеть его и босиком спуститься на горячий песок. В дневную жару от этого никак не продрогнешь. А потом можно пройти там, где маленькие волны разбиваются так, что намочат ноги, — просто испытать радость, которую, как он представлял, принесёт прикосновение холодной солёной воды.

Можно вернуться на тёплый песок и быстро высушить ноги. Почему бы такому чередованию не усилить кровообращение? Почему бы горячему песку не привлечь к ступням вялую, отравленную кровь? Почему бы холодной солёной воде не погнать её обратно? И почему бы этому оживлению не помочь организму избавиться от яда, порождённого раной в груди?

Так, среди тёплых золотых дней, Джейми с помощью Маргарет Кэмерон как мог исполнил долг перед Пчелиным Мастером. И разум его упражнялся не меньше тела.

Гораздо раньше, чем ожидал, он добрался до подножия трона. Подъём оказался совсем не трудным. На обращённой к морю стороне огромной скалы он действительно нашёл длинную расселину, образующую прекрасное сиденье. Оно подходило изгибам его тела; если подстелить старое рабочее пальто Пчелиного Мастера, здесь будет чудесно сидеть, откинувшись, отдыхать, впитывать солнечное тепло и дышать солью, приносимой с запада.

Он ещё не дошёл до окончательного решения бороться. В сознании лишь шевелились предположения, догадки, возможности. Если бы человек, имеющий право спрашивать, задал вопрос и получил откровенный ответ, Джейми сказал бы: вне всякого сомнения, срок ему — шесть месяцев.

Год лучшего лечения, какое могло предоставить государство, оставил его в худшем состоянии. Он думал, что примерно через полгода всё закончится.

Иногда он сильно тревожился, потому что приглашения посетить больницу всё ещё не было. Каждый вечер в шесть он подходил к телефону и слышал, что Пчелиный Мастер едва удерживается на прежнем уровне. Разговаривать и заниматься делами ему пока нельзя.

После каждого такого сообщения Джейми звонил Маленькому Скауту по оставленному номеру и передавал новости.

Дважды Маленький Скаут ненадолго заходил в сад после школы. И каждый раз Джейми расставался с новым другом с всё большим сожалением. Каждый раз открывалась новая грань детского ума, которая удивляла его, порой потрясала, порой радовала. А к решению вопроса, мальчик это или девочка, он не приблизился ни на шаг по сравнению с первым днём.

На девятый день после ужина Джейми во второй раз прошёл всю заднюю дорожку, пересёк пляж и поднялся на трон. Он вооружился старой мягкой шляпой с широкими полями и старым пальто.

Поднявшись, устроился на особом сиденье, которое подготовил для себя с немалым трудом, затратив больше сил, чем считал возможным. Он собрал обломки камня и сложил их иначе, немного левее прежнего доступного места.

Завернувшись в пальто, опустил на сиденье и оказался лицом к лицу с вечной истиной неба и моря. Никакая земля не вторгалась в вид. Только небесная чаша смыкалась над ним, море плавно катило волны к берегу, а далеко-далеко слабое красное сияние отмечало место, где солнце посылало свет миру, неуклонно отворачивавшемуся от него.

Там Джейми снова предался мыслям. В эти дни разуму доставалось немало работы.

Он по-прежнему думал о Смерти, но теперь встречал её более мужественно. А когда думал о Жизни, то не думал о себе, не упрекал правительство, не жалел других раненых.

Он думал только о том одном деле, которое, возможно, ещё мог совершить. О том, что это могло бы быть за дело, способное дать ему хоть какое-то оправдание за последние дни жизни, когда он предстанет перед своим Создателем.

Глава 7. Штормовая женщина

Новый день начался туманом и безветрием, потом поднялся холодный ветер, которому Джейми не хотелось подставляться. Лишь к вечеру, выглянув с задней веранды и окинув взглядом лежавший внизу простор, он понял: сейчас произойдёт то, что ему так хотелось увидеть.

Над горизонтом вспыхивали зарницы. Уже начинали мелькать раздвоенные языки света. Стояла зловещая тишина, а далеко на севере и западе собирались и громоздились большие чёрные тучи.

Джейми выпрямился.

«Буря! — сказал он себе. — Та самая буря! Клянусь всем добрым и мирным, я увижу её с трона, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни!»

Он осмотрел сад и убрал несколько вещей, которым мог повредить сильный ветер. Тщательно закрыл окна, запер двери, затем подошёл к шкафу на задней веранде и принялся перебирать вещи Пчелиного Мастера в поисках подходящей одежды. Отложил пасечную куртку и старое пальто, а потом нашёл плотный плащ — именно то, что требовалось.

Надев пасечную куртку и старую широкополую шляпу, взяв пальто и плащ, он запер за собой заднюю дверь и медленно спустился по дорожке, пересёк песчаную полосу и поднялся на трон. Надел пальто, расстелил плащ так, чтобы можно было завернуться в него, опустился в приготовленную нишу и плотно укутался, стараясь не продрогнуть.

Потом с напряжённым нетерпением стал наблюдать за приближающейся бурей.

Он не знал, что собирается помериться силами. Не сознавал, что уже два года в его истерзанной груди, в сердце и разуме бушует буря, способная сокрушить душу и тело человека. Не понимал, что смутно постиг её силу, её ужас и тщетность.

Он не знал, почему ему хочется увидеть, как небо потянется вниз, а море поднимется навстречу и оба напрягут все силы. Не знал, что хочет сравнить бурю, проходящую через человеческое сердце, с бурей, проходящей через мир.

Он добросовестно старался защититься, чтобы не приблизить того, что, возможно, ему уготовано. Не хотел подвести Пчелиного Мастера, доверившего ему дом, имущество и дело — всё, что принадлежало ему самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.